

2
с 89
Г. СУГЛОВ

ЗАПОВЕДИ ГОСПОДНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

БЕСЕДЫ О МИРЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

Г. СУГЛОБОВ

ЗАПОВЕДИ ГОСПОДНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1975

Суглобов Г. А.

С89 Заповеди господни и человеческие. М., Политиздат, 1975.

96 с. с ил. (Беседы о мире и человеке).

«Венчается раба божья», «Раздумья о постах», «Человек рожден для счастья» — эти книги кандидата философских наук Г. А. Суглобова известны читателям.

Разбирая в своей новой книге библейские заповеди, такие, как «не убивай», «не кради», и др., автор дает возможность читателям увидеть бесплодность религиозной нравственности, которой противопоставляется мораль коммунистическая, подлинно человеческая.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, в том числе и верующих.

С 10509—301
079[02]—75 314—75

293

У шлемообразной громады Троицкого собора небольшая группа верующих. Они с молчаливым укором глядят на пеструю, порой легкомысленную одежду некоторых молодых туристов.

— Совсем распустились,— печально и спокойно говорит пожилая женщина.

— А откуда нравам взяться? Бога то забыли,— вторит ей другая.

— То ли еще будет,— слышу глуховатый мужской голос, смотрю на говорящего и, не раздумывая, делаю шаг вперед.

Неужели это он, свидетель моего босоногого детства? Как похож!..

Это было в 30-е годы. Новая жизнь, до того заманчиво и незнакомо журчавшая ручейками, пошла по селам вешним половодьем. Колхозы взламывали вековые устои крестьянской жизни. Едва ли кто из нас, двенадцатитринадцатилетних подростков, глубоко понимал происходящее, мы жадно принимали новое, звали пожилых, а они присматривались, держались за старое. Кто зло, кто с горькой озабоченностью кивал на нас:

— Совсем распустилась молодежь. И что за нравы такие?

— А каким им быть, когда бога забыли!

— Блуд и скверна покрывает землю...

Женщины затягивали ту же концы платков, мужчины скребли густые бороды, вспоминая былое время, когда

якобы все было лучше, а главное — люди были честнее, чище.

Нас обвиняли во всех смертных грехах, а отец Алексей, священник церкви святых бессребреников Космы и Дамиана, даже назвал нас новыми «пророками безнравственности». В отместку мы накрепко приклеивали к церковной ограде антирелигиозные плакаты.

Мой товарищ, черты которого я, казалось, увидел сейчас в пожилом мужчине, был самым активным среди нас...

Через некоторое время экскурсовод пригласил нас в храм. Здесь шла служба, и мы, не мешая верующим, молча рассматривали росписи. Здесь я опять увидел того пожилого мужчину. Он не спеша ходил от иконы к иконе, ставил свечи, прикладывался к образам. Хор ладно и просветленно возносил хвалу всевышнему, и мужчина глухим баском с хрипотцой подтягивал.

— Откуда взяться нравственности? — вновь слышался вопрос и глуховатый ответ: — То ли будет.

Церковная роспись, ради которой мы приехали в Загорск, уже не занимала меня. Теперь я определенно видел, что это не товарищ моего детства. Но ведь он ровесник мне. И мне совсем не безразлично — хуже или лучше стали нравы. Первым желанием было возразить, сказать, что нельзя по отдельным представителям судить о нравах всего поколения. Да, молодежь иногда позволяет себе некоторые вольности в одежде, но она первой откликается на призыв о помощи, первой бросается в огонь, чтобы спасти урожай...

В голове роились другие аргументы, но я уже остыл: а надо ли возражать, разве большинство верующих не знает этого? И главное, многие из них, как и атеисты, искренне озабочены вопросами нравственного совершенствования нашего общества. Мы сегодня в одном строю, атеисты и верующие: строим коммунизм, хотим

видеть всех людей земли нравственно совершенными, чистыми.

Но мы расходимся в мировоззрении, в убеждениях, по-разному понимаем, во имя чего делаем общее дело и какими путями идти к нравственным вершинам. Ну, а если у нас есть общие заботы, разве мы не можем спокойно и доверительно поговорить о путях и средствах нравственного совершенствования советских людей? Конечно, противоположность исходных точек в понимании основ нравственности сулит разговор нелегкий. Даже на вопрос, может ли человек быть нравственным, если он не выполняет религиозных предписаний, у нас противоположные ответы. Я назову десятки и сотни знакомых мне атеистов — людей кристальной чистоты, а верующие выдвинут свои аргументы. И возникнут новые вопросы. Так что разговор должен быть глубоким и обстоятельным, где страсти подчиняются логике аргументов.

Нужно добросовестно сопоставить аргументы религии в защиту библейских нравственных законов — надо полагать, они верующим известны, — и аргументы современной науки. И те и другие доказательства не сегодня родились, за ними вся история человеческого познания. Помнится, хорошо и точно сказал об этом А. И. Герцен: за стремлениями людей, «как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана — всемирной истории; мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу...».

Пусть же «мысль всех веков» будет нам судьей и поможет ответить на вопрос, кто дал людям нравственные законы.

КТО ДАЛ ЛЮДЯМ НРАВСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ?

Даже самый маленький коллектив не может существовать без определенной совокупности норм поведения. Известны народы, у которых не было философии, права, слабо было развито искусство, однако мы не можем назвать ни одного народа, который на заре своего существования не имел бы простейших правил и норм поведения.

Как же появились нравственные нормы и правила поведения людей?

По христианскому и иудейскому вероучениям, нравственные нормы были даны народам самим богом: при сотворении «первочеловеков» Адама и Евы, при заключении завета (договора) бога с Авраамом и во время исхода евреев из Египта. Христиане, кроме того, признают нравственным законом заповеди Нагорной проповеди Иисуса Христа.

Мусульмане считают, что аллах установил нормы морали и через архангела Джебраила сообщил их Мухаммеду. Для буддистов нравственными законами яв-

ляются установления богочеловека Сакья-Муни, постигшего высшую мудрость.

Независимо от особенностей вероучения, все религии признают божественное происхождение нравственных норм и правил поведения. «Тот же всемогущий и всесправедливый бог,— писал в начале XX в. ректор Петербургской духовной академии профессор нравственного богословия И. Л. Янышев,— который есть творец всего видимого бытия со всеми его физическими законами, есть творец всего невидимого мира и духа человеческого с их нравственными законами... Только как данный от бога, нравственный закон мог возникнуть в сознании и первого человека».

Все религии на протяжении веков и тысячелетий стремились утвердить себя в качестве единственной законодательницы и хранительницы морали. Мораль без веры в бога «не может иметь ни силы, ни жизни, чтобы оказывать влияние на совесть и жизнь человека», «человек без веры в бога легко впадает в грех и искушение»,— повторяют сегодня проповедники религии.

Верующие веками считали, что нравственные законы дал бог и что без веры в бога не может быть нравственности. Насколько преуспела религия, внедряя эту мысль в сознание верующих, можно судить по одному примеру. В 1970 г. наши социологи проводили конкретно-социологические исследования в г. Пскове, которые показали, что 78,5% из всех опрошенных православных верующих считают веру в бога надежной хранительницей моральных устоев, полезной для воспитания людей. Многие верующие с доверием относятся к заповедям Моисея, считая их подлинными нравственными законами.

Что же это за заповеди Моисея, на которые ссылаются и христиане, и иудеи?

Согласно Библии, в третий месяц по исходе сынов Израиля из земли египетской, в день новолуния, пришли

они в пустыню Синайскую. И тогда бог через Моисея сказал сынам Израилевым: «Вы видели, что я сделал египтянам, и как я носил вас на орлиных крыльях, и принес вас к себе. Итак, если вы будете слушаться гласа моего и соблюдать завет мой, то будете моим уделом из всех народов, ибо моя вся земля, а вы будете у меня царством священников и народом святым».

Народ согласился исполнять божий завет. На третий день с наступлением утра густые облака встали над горою, ударили громы и молнии, раздался трубный звук, «и вострепетал весь народ, бывший в стане. И вывел Моисей народ из стана в сретение богу, и стали у подошвы горы. Гора же Синай все дымилась оттого, что господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась. И звук трубный становился сильнее и сильнее» (Исход. 19: 1—19).

И изрек бог: «Я господь, бог твой, который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства» (Исход. 20 : 2). После этого бог и дал десять заповедей, известных как десятисловие Моисея. Эти заповеди были высечены на двух каменных таблицах-скрижалях. «И дам тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые я написал для научения их» (Исход. 24 : 12). «Слова эти,— говорится в «Православной богословской энциклопедии»,— были просты и общедоступны, но исполнены такого глубокого значения, что легли в основу всякой нравственности и всякого законодательства. Это и было знаменитое десятисловие, те десять заповедей, из которых в каждой открывалась вековая истина». «Заповеди, данные на Синае,— пишет современный баптистский проповедник в журнале «Братский вестник»,— даны богом не для одного израильского народа, а для всех народов Земли, для всего человечества. Они вечны и незыблемы...»

Итак, по религиозному учению, мораль имеет внеземное, божественное происхождение, сила нравственно-ре-

лигиозных предписаний — во всемогуществе бога, который все видит и строго наказывает каждого, кто отступит от божьих заповедей, бог дал правила и нормы поведения на все времена «для всех народов Земли».

А что говорит наука о возникновении нравственных законов? Многие исследователи, кропотливо собирая материал о жизни древних людей в различных районах земного шара, накопили достаточно сведений, на основе которых можно судить, как люди жили в глубокой древности. По найденным орудиям труда, украшениям, утвари, костям животных, на которых древние охотились, по другим находкам ученые восстанавливают картины жизни наших далеких предков, их обычаи, обряды и др.

Присмотритесь к жизни животных: у них нет никаких нравственных правил, их поведение определяется естественными потребностями, данными природными условиями.

Чарлз Дарвин в своем знаменитом труде «Происхождение человека и половой подбор» приводит множество примеров инстинктивных норм поведения в стадах животных. В процессе естественного отбора отдельные животные с агрессивными повадками, не способные сожительствоваь в стаде, гибли; выживали лишь те особи, поведение которых соответствовало стихийным устремлениям стада. Эти стадные инстинктивные нормы поведения закреплялись и передавались из поколения в поколение.

Особенно развито у животных свойство предупреждать о грозящей опасности. Многие охотники знают, что дикие лошади предупреждают остальных особой позой, кролики громко стучат о землю задними лапами, овцы — передними ногами, одновременно издавая своеобразный свист.

Было бы неправомерным выводить нравственность людей из некоторых условий жизни стад животных, но то,

что эти условия явились необходимой предпосылкой «превращения животного в человека» (Энгельс), несомненно. В. И. Ленин в письме к А. М. Горькому отмечал, что ««зоологический индивидуализм» обузда не идея бога, обуздадо его и первобытное стадо и первобытная коммуна» (Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232). Ф. Энгельс на примере половых отношений показывает, как ограничение «зоологического индивидуализма» подготавливало предпосылки для появления человека: «...взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования таких более крупных и долговечных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 40). Без примитивных правил поведения по отношению друг к другу первобытное стадо просто не смогло бы существовать, оно бы распалось. Однако это только предпосылки нравственности человека.

При всей подчас удивительной согласованности и кажущейся разумности действий стадных животных они основываются исключительно на инстинктах. Эти действия направлены только на удовлетворение биологических потребностей — пищевых, половых, оборонительных. Животное тоже производит (строит себе гнездо, жилище), но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныши. В борьбе за существование животный предок человека использует камни, палки, но это еще не труд в подлинном его значении, это полуинстинктивные действия — зародыш труда, направленный на удовлетворение непосредственных пищевых или оборонительных потребностей. Полуинстинктивному труду соответствовали и несложные примитивные правила поведения, не выходящие за рамки инстинкта.

Труд перестает быть полуинстинктивным, когда дале-

кий предок человека стал использовать камень и палку для создания орудий труда. Откалывая камень, чтоб воспользоваться им как ударным орудием, обламывая палку, чтобы выкапывать с ее помощью коренья, первобытный человек не удовлетворяет свои непосредственные биологические потребности. Он уже осознает связь между настоящими действиями по изготовлению орудий труда и последующими действиями, когда он с помощью этих орудий труда будет убивать зверя, выкапывать коренья и т. д.

В процессе трудовой деятельности возникают и нравственные правила. В те далекие времена труд носил коллективный характер. Лишь объединив силы с другими людьми, человек мог противостоять неведомой и суровой природе. Удовлетворение потребностей было невозможным без взаимной поддержки при добычании пищи, защите от хищных зверей.

Совместное же изготовление орудий труда, коллективная охота, поддержание огня в общем жилище — все это невозможно было без какого-то общего порядка. В процессе трудового общения родились несложные правила, известная регламентация поступков. Животные инстинкты уже не могли, например, обеспечить элементарную кооперацию физического труда, справедливый, основанный на примитивном равенстве, дележ пищи.

Постепенно и стихийно в родовой общине возникает система ограничений, запретов, которые ставили первобытных людей в определенные рамки, ограждали их от общественно вредных последствий.

Первичными нормами нравственности многие ученые считают определенные запреты (табу) и ограничения. Понятие «табу» впервые в научный обиход в конце XVIII в. ввел английский мореплаватель и первооткрыватель новых земель Д. Кук. Он описал табу по личным наблюдениям быта коренных жителей Полинезии. После него табу

изучали многие исследователи и обнаружили их у различных народов. Объектами табу могут быть предметы, действия, животные, люди, места, слова. Наиболее распространены были пищевые запреты, а также табу, связанные с важными моментами в общественной и личной жизни людей. На все табуированные предметы и действия налагался запрет, за нарушение которого грозило «сверхъестественное» наказание, болезнь или смерть. Запреты, как и в дальнейшем правила, уже определяли поведение человека в различных ситуациях, где затрагивались прежде всего общие интересы. В основном запреты были направлены на охрану трудовой деятельности, огня и жилища, сбережение орудий труда и оружия, защиту женщин, детей и стариков. С разложением первобытной общины и началом имущественного разделения появляются табу, которые запрещали произносить имя духов, бога, вождей, жрецов и воинов. В общинно-родовом строе, например, австралийцев с помощью табу поддерживали начавшееся имущественное разделение, привилегии вождей и жрецов.

Наши далекие предки приходили к установлению определенных запретов путем многократного повторения каких-то действий, методом проб и ошибок. Они шли к открытию несложных правил поведения ощупью, тяжело расплачиваясь за неверные шаги.

Приобретенные навыки и знания передавались из поколения в поколение. Не было бы никакого прогресса, если бы каждое поколение самостоятельно приходило к уже сделанным открытиям. Однако передача знаний и навыков новому поколению не простой акт. Обосновать какой-то запрет убедительными доводами люди в то время не могли, для этого не хватало знаний. Нередко, как пишет советский ученый А. Ф. Анисимов в книге «Духовная жизнь первобытного общества», «исполняя запреты как нечто само собой разумеющееся, соблюдаемое со

всей строгостью религиозной традиции, люди, в сущности, не знали, для чего те или иные ограничения заведены».

Нормы поведения, закрепленные в табу, воспринимались первобытным человеком как непреложные законы, нарушение которых неизбежно влечет тягчайшее наказание — смерть. Об эффективности табу можно судить по некоторым фактам, описанным этнографами.

Вождь одного из племен Новой Зеландии бросил однажды в пути остатки своего обеда. Проходивший юноша съел их. Едва он кончил трапезу, как ему сказали, что он съел табуированный обед вождя. Услышав это, юноша, здоровый и крепкий телом, упал на землю, у него начались мучительные судороги, и вскоре он умер. Австрийский ученый З. Фрейд рассказывает о том, как соплеменники вождя маори нашли зажигалку и воспользовались ею. Когда они узнали, что зажигалка принадлежит вождю (а все вещи, принадлежащие вождю, табуированы), они скончались от страха.

Хотя многие из табу и были основаны на вере в сверхъестественные силы, они сыграли известную роль в обуздании «зоологических инстинктов», поскольку выступали в качестве регуляторов человеческих отношений.

Столь же древней формой моральных правил являются положительные предписания, требования. Например, у полинезийцев наряду со словом «табу» распространенным было слово «ноа», означавшее всеобщее, обыкновенное. По мнению ученых, с помощью таких положительных предписаний регламентировалось: уважительное отношение к старшим, матери, смелость в бою, презрение к трусам и лодырям, воздержанность в пище, выдержка, настойчивость и др. Однако положительные предписания, особенно требования-образцы, опираются на более или менее развитую способность абстрактно мыслить и обобщать и поэтому относятся к более позднему периоду становления морали.

На различных этапах человеческой истории нормы морали отличались разной степенью зрелости, содержанием и формой выражения.

В классовом обществе нравственность приобретает классовый характер, в правилах и нормах поведения отражаются интересы того или иного класса. Вместе с тем в процессе развития общества шел процесс накопления общечеловеческих элементов морали, обобщения и более точной формулировки тех норм, без которых невозможно существование и развитие человечества.

С момента возникновения первых простейших правил поведения в обществе нравственные нормы складывались и развивались под определяющим воздействием материальных условий жизни людей.

Коллективный характер труда предопределял коллективистский характер моральных отношений. Известно, например, что совместный труд предполагал обязательную взаимопомощь и взаимоподдержку, что распространялось на все стороны жизни рода. Эти же условия порождали нетерпимое отношение к лодырям и тунеядцам. И наоборот, почетом и уважением пользовались люди труда.

В былинах и преданиях, эпосах и мифах, которые появились уже в более развитом обществе, но своими корнями глубоко уходят в седую древность, всегда прославлялись такие герои, как Гефест, Микула Селянинович, Василиса Прекрасная, и многие другие, снискавшие признание за свой искусный и животворный труд. В них воспевались защитники народа, богатыри, подобные Илье Муромцу и Добрыне Никитичу. Суровая борьба с природой, столкновения с другими общинами выдвигали в то время в разряд главных добродетелей силу и храбрость. У древних греков и римлян такие нравственные понятия, как «добро», «сила» и «храбрость», обозначались словами одного корня.

Нормы нравственности, обычаи и обряды, которые наблюдали ученые и путешественники у народов, живших родовым строем, поражали не только своей простотой, но и удивительной моральной чистотой. По свидетельству русского ученого М. Ковалевского, среди сахалинских гиляков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиляк хранит в амбаре, который никогда не запирается. «А каких мужчин и женщин порождает такое общество,— пишет Ф. Энгельс,— показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямоты, силе характера и храбрости этих варваров» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 98).

При всем этом не следует идеализировать первобытное общество. Люди только вышли из животного состояния и не могли еще полностью преодолеть «зоологический индивидуализм». По рассказам европейских исследователей, у тасманийцев наряду с привлекательными нравственными чертами сохранялись и такие, как грубость и бесцеремонность. Возвратившись с охоты и сильно проголодавшись, тасманец отнимал пищу у женщин и детей. Во время голода тасманийцы в поисках пищи переходили в другие места, иногда бросая детей на произвол судьбы.

Простейшие правила человеческого общежития, элементарные нравственные нормы усложняются и приобретают устойчивый характер вместе с развитием материальных условий жизни.

В первобытном обществе, основанном на единой общинной собственности, утвердились единые нормы нравственных отношений, которые вполне отвечали интересам всех людей, занимавших одинаковое положение. Когда же возникшие в результате развития производства частная собственность, имущественное неравенство расколо-

ли общество на противоположные классы, невозможны стали и единые нормы нравственности. Различные материальные условия жизни классов предопределили иное содержание норм и правил в нравственных отношениях. Возникло две морали: мораль господствующих классов и мораль угнетенных масс.

Господствующие классы, владевшие средствами производства, богатством, монополизировали и духовную жизнь, всеми средствами они стали навязывать угнетенным классам свою мораль. Одним из эффективных средств утверждения морали господствующих классов явилась религия.

Говоря о связи морали и религии, следует отметить, что на ранних ступенях человеческой истории сознание характеризовалось своей нерасчлененностью, не было ярко выраженных форм общественного сознания. Это объяснялось низкой степенью развития, простотой, нерасчлененностью самого производства материальной жизни. Поэтому в первобытном сознании нравственные представления соседствовали с религиозными, нередко моральные требования носили религиозную окраску. Наряду с этим уже существовали такие нравственные элементы, которые не имели с религией ничего общего. Например, этнографы называют целый ряд норм первобытного этикета (обычаи приветствия и избегания и др.), которые не были связаны ни с магическими, ни с тотемическими представлениями. Это был тот период, о котором не без основания писал Г. В. Плеханов: здесь **«нравственность существует совершенно независимо от веры в сверхъестественные существа»**. В ранний период рабовладельческого общества, когда нравственные предписания и нормы жизни уже приобрели устойчивый характер, они также еще не носили ярко выраженного религиозного характера. Показательны в этом отношении законодательные акты рабовладельческих государств Двуречья

II тысячелетия до нашей эры. Например, в законодательстве государств Исына и Ларсы нет никаких ссылок на божественное происхождение нравственных норм.

Религиозное обоснование нравственности начинает приобретать лишь в развитом рабовладельческом обществе, где мораль господствующих классов носит ярко выраженный классовый характер. Она навязывается всему обществу в качестве единой, вечной и неизменной.

Ссылки на божественное происхождение морали стали возможными и в силу ее внутреннего развития. До тех пор пока нравственные нормы непосредственно отражали условия жизни людей, трудно было их оторвать от действительности. Когда же мораль усложнилась, появилось много опосредованных звеньев между правилом и условиями, вызвавшими к жизни это правило, возникла видимость независимости морали от реальных условий, от действительности. Нормы морали складывались стихийно на протяжении жизни многих поколений, и люди, как правило, не осознавали своей причастности к этому процессу, как и связи между нравственными законами и материальными условиями, их породившими.

Все эти особенности зарождения и развития морали открывали возможность господствующим классам и жрецам придать своим нравственным законам видимость божественных повелений.

Десятисловие Моисея представляет собой яркий пример облачения нравственных норм в религиозные одежды и придания им определенной направленности.

Задолго до появления заповедей Моисея у многих народов Двуречья, Древнего Египта и Индии сложились определенные системы правовых и нравственных законов, обычаев и правил человеческого общежития, которые умело использовали жрецы и рабовладельцы, освятив их именем бога. Одним из источников для заповедей Моисея явились древневавилонские законы Хаммурапи, со-

ставленные в XVIII в. до н. э. Это первый известный нам подробный сборник законов, защищавших частную собственность и эксплуатацию человека человеком. В заповедях Моисея известное отражение нашли законы Хеттского государства в Малой Азии, составленные в XIV в. до н. э. Они также довольно подробно определяют права владельцев собственности и ответственность за кражу, убийства. Хеттские законы отличаются большей детализацией и большей жестокостью в отношении непокорных рабов — это прямое следствие упрочения рабовладельческого строя. Духовенство древнееврейского теократического государства, сосредоточившее в своих руках светскую и духовную власть, придало своим законам вид заповедей бога Яхве. Привычные правила человеческого общежития, простейшие нравственные нормы, возникшие в силу земных причин и веками применявшиеся людьми, стали внедряться в их сознание как божественные нравственные предписания. Религия, прямо или косвенно отражая интересы господствующих классов, серьезно искажала нравственные нормы, приспособила их к нуждам эксплуататоров, наполнила их религиозным содержанием.

Попробуем проследить, как появились эти заповеди, как изменялось их толкование. Хотя речь пойдет главным образом о заповедях десятисловия Моисея, считаемых иудаизмом и христианством, их анализ и выводы из него можно отнести к любой религии. Ведь всякая религия считает, что ее нравственные предписания имеют божественное происхождение.

„НЕ БУДЕТ У ТЕБЯ ДРУГИХ БОГОВ”

Когда Иисуса Христа, говорится в Евангелии, спросили, какая заповедь важнейшая в законе божием, он ответил: «Возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матфей. 22: 36—39).

Что касается «любви к ближнему», то нам еще представится возможность поговорить об этом. А вот о «любви к богу», которой посвящаются первые четыре заповеди десятисловия Моисея, сказать следует особо.

Определяя взаимоотношения людей, правила их общежития, бог прежде всего позаботился о себе, чтобы его почитали, служили ему, поклонялись ему и любили его безоговорочно и абсолютно.

В своих претензиях на безоглядную любовь к нему бог похож на сердитого родителя, который пытается внушить ребенку любовь к себе ремнем.

Когда-то я знал в одном из курских сел крестьянина Ефима Сыромятникова. Ничем он не выделялся в сельской жизни, разве что чрезмерно суровым отношением к детям. Бывало, соберутся мужики после артельной работы, пустят чарку по кругу, потечет разговор о кормах и видах на урожай, о скорых свадьбах и детях. Но лишь стоит кому-либо упомянуть детей, вставал подвыпивший Ефим:

— Это у тебя-то послушный сын! Нет, брат, ты не видел послушных детей.

— Колька! — кликал он сына, а то и специально посылал за ним. — Подь-ка сюда. А ну скажи, кто я есть?

— Вы, папаня, есть мой самый хороший и справедливый родитель, — заученно и смиренно отвечал слегка побледневший двенадцатилетний Колька.

— А еще какой я есть? — грозно спрашивал Ефим.

— Любящий своих детей родитель, — отвечал сын.

— А ежели велю — в огонь?

— Как скажете, папаня.

— Видал? — обращался к собеседнику Сыромятников. — Вот какой должен быть сын... В огонь, значит, — по моему слову.

Да, Колька мог пойти и в огонь. Но мы-то знали, какой ценой приобреталось это послушание. Избивал Ефим своих детей вожжами до потери сознания. И поэтому Колька за глаза поносил родителя такими словами, которые и не у каждого взрослого найдутся. Он люто ненавидел отца.

Старость у Сыромятникова была нерадостной, он коротал ее в одиночестве, проклиная своих непослушных детей.

Мне почему-то всегда приходил на память деспотичный Ефим Сыромятников, когда читал, какой ценой бог домогался любви людей: «Я господь, бог твой, который вывел тебя из земли египетской, из дома рабства; да не

будет у тебя других богов пред лицом моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо я господь, бог твой, бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих меня, и творящий милость до тысячи родов любящим меня и соблюдающим заповеди мои» (Исход. 20: 2—6).

Надо ли говорить, что эти «богодуховенные» слова могут породить не любовь, а страх. Страх же никогда не может вызвать любовь, в лучшем случае он может взрастить слепую покорность, видимую почтительность, готовую в подходящий момент вылиться в злобную мстительность. Отношения, основанные на угрозах, страхе, безнравственны по своей сущности. Как справедливо заметил русский писатель Д. И. Писарев, такие отношения ведут к воспитанию озлобленных, коварных, мелких и ничтожных людей-карликов.

А ведь бог, давая законы людям, обещал им «царство священников». Почему же он довольствуется слепой покорностью и смирением людей, отношениями, которые лишены нравственного содержания?

Дело в том, что в покорности и смирении нуждался не мифический бог, а господствующие классы и духовенство. Эксплуататорское государство с самого своего появления стремилось подавить протест угнетенных масс, обеспечить их покорность и смирение. И в этих целях широко использовались заповеди Моисея, требующие безоглядной любви к богу.

По православному вероучению долг человека перед богом состоит в том, чтобы «отвергнуться себя. Исторгнуть из сердца все, что привязывает нас к миру. Быть мертвым для мира. Вторая обязанность — взять свой крест. Под именем креста разумеются страдания, горести и неприятности... Обидит ли кто тебя, случилось ли с то-

бою какое несчастье, или ты, при всей деятельности твоей и неусыпных трудах, терпишь нужды и недостаток, или даже самая бедность и нищета подавляет тебя; или кроме этого ты терпишь какую-нибудь неприятность: все это переноси без злобы, не считая себя обиженным, и без чаяния за то земной награды; но переноси все это с любовью, с радостью».

Главное, что требует первая заповедь, поясняет Катехизис,— это «учиться богопознанию, как важнейшему из всех знаний», т. е. «слушать поучение о боге и делах его в церкви и благочестивые разговоры о сем дома». Эта же заповедь, как утверждают православные богословы, не рекомендует увлекаться другими знаниями, так как «все другие знания: ремесла, искусства, науки—должны быть озарены богопознанием и подчиняемы богопознанию. Без этого условия они будут не только бесполезны, но даже вредны...». Почему же священнослужители, богословы так ополчаются на познание, на науки?

Да потому, что человека, вооруженного знаниями, познавшего тайны природы и общества, не поставишь на колени. Он будет надеяться на свой разум, на свои руки, а не склоняться перед божьим ликом. Кстати, Катехизис как раз и объявляет тяжким грехом надежду человека на свои силы. «Все грехи против первой заповеди,— поясняет богослов В. Гуляев,— происходят от того, что человек слишком много полагается на свой собственный разум и на свою волю и только ими руководится в своей деятельности».

Человек, по мнению священнослужителей, вправе надеяться только на бога, на его милость— вот подлинное содержание заповедей богопочитания. Требование любви к богу— это религиозная оболочка моральных предписаний господствующих классов: покорность, смирение, полная отрешенность от земных благ и надежд.

Как видим, эти заповеди десятисловия, не являясь в буквальном смысле моральными предписаниями, не действовали нравственному прогрессу. Наоборот, проповедь покорности и смирения, когда в мире много зла, аморальна. По своей сущности она направлена на оправдание эксплуататорских порядков, на примирение с социальным гнетом, неравенством и несправедливостью. Призывая надеяться только на бога, проповедь покорности и смирения лишает человека права бороться с социальной несправедливостью, за утверждение общества всеобщего благоденствия.

Заповеди богопочитания тормозили нравственный прогресс и в другом отношении. Известно, что мораль всегда включала нормы и принципы, определяющие отношения к другим народам и нациям: чем выше поднимались люди в нравственном развитии, тем теснее становились связи между народами. Религия же своими заповедями «да не будет у тебя других богов», «не делай себе кумира» утверждала религиозную вражду, веронетерпимость, содействуя тем самым сохранению межплеменной вражды раннего рабовладельческого периода.

В XIII в. до н. э. некоторые западносемитские (еврейские) кочевые племена, бежавшие, по библейскому преданию, в пустыню от египетского фараона, вторглись в Палестину, где жили ханаанеяне и другие племена. Это был период политеизма (многобожия), когда каждое племя имело своего бога.

Процесс разложения первобытного строя и зарождения рабовладельческого сопровождался образованием новых общностей людей — союзов племен и народностей. В этих условиях племенные боги стали утрачивать свое влияние, а боги тех племен, которые возглавили государственное объединение, заняли главенствующее положение. В Палестине раньше других сложился союз племен древних евреев, у которых был уже один глав-

ный бог Яхве, первоначально почитавшийся богом племени Иуды, наряду с этим отдельные еврейские и другие племена продолжали сохранять веру в своих племенных богов. Как раз Библия и отражает существование в то время веры во многих богов. Например, Моисей после гибели египтян от руки бога восклицает: «Кто, как ты, господин между богами?» (Исход. 15: 11). Это видно также из псалмов: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд», «Царь великий над всеми богами», «Поклонитесь пред ним, все боги» (Псалтирь. 81: 1; 94: 3; 96: 7). Множество богов признается в посланиях апостола Павла: «Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много,— но у нас один бог...» (I Коринф. 8: 5—6).

Сохранились исторические свидетельства о многобожии у древних евреев. Например, евреи, бежавшие в Египет, одновременно с Яхве почитали и другие божества. Библейские и исторические свидетельства дают достаточно оснований считать, что первоначально Яхве не был единственным богом, он был верховным божеством среди многих других богов.

В процессе дальнейшего развития классового общества, упрочения сильной государственной власти продолжается постепенный переход от политеизма (многобожия) к монотеизму (единобожию). «...Единый бог,— пишет Ф. Энгельс,— никогда не мог бы появиться без **единого царя...** единство бога... есть лишь отражение единого восточного деспота...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 56). В иудаизме этот процесс нашел отражение в так называемом библейском завете (договоре) бога с израильскими племенами, которые обязались не чтить других богов и исполнять волю Яхве, а бог передавал им власть над Палестиной. Тогда и появилась заповедь: «Да не будет у тебя других богов пред лицом моим».

В своей сущности эта заповедь подтверждает, что чи-

стого многобожия ни иудейская, ни христианская, ни другие религии так и не достигли. Во всех религиях наряду с верховным божеством почитается множество других богов низшего ранга. Кроме того, эта заповедь косвенно отражает постоянную борьбу религий против остатков старых племенных и языческих культов.

Поклоняясь новым богам, люди не забывали старых, языческих божков, сохраняли прежних идолов, втайне молились им. Шведский ученый и писатель Эрик Лундквист, более 20 лет проживший среди папуасов Западного Ириана, в своей книге «Дикари живут на Западе» пишет, что многие папуасы, крещенные католическими миссионерами, и в наше время после церковной службы в костеле отправляются в специальные хижины, где поклоняются бывшим своим языческим богам. Однажды, рассказывает Э. Лундквист, к нему прибежал молодой папуас Гайсберт, крещенный в малолетстве:

— Туан (господин), туан, им нельзя так делать! Туан должен запретить им. Если миссионер узнает, что они плясали и пели старые песни, их ждет страшное наказание. Они же крещеные! Запретите им, туан, запретите!

По мнению папуаса-католика, поклоняясь старым богам, его сородичи совершали большой грех.

Таким образом, заповеди богопочитания помимо социальных функций — обеспечения покорности и смирения угнетенных — преследовали и чисто религиозные цели. Как писал бывший священнослужитель А. А. Осипов, «при помощи этой заповеди («не делай себе кумира». — Г. С.) духовенство старается уберечься от конкуренции с другими культами, богами, боясь, как бы те не отвлекли верующих от их алтарей».

Третья заповедь — «не произноси имени господа, бога твоего, напрасно» — также отражает пережитки первобытных верований. Мы уже говорили, что одной из ранних форм регулирования отношений людей были раз-

личные запреты. Запрещалось не только пользоваться некоторыми предметами, но и прикасаться к ним, произносить их название и даже смотреть на них. Беспомощность человека в борьбе со стихией, ограниченные знания порождали страх перед неизвестным. У многих первобытных народов запрещалось произносить имена духов и богов, иудейская религия запрещает произносить имя бога Яхве. Православное духовенство неодобрительно относилось ко всякому употреблению «имени господнего всуе», даже к таким привычным восклицаниям, как «Ах, боже мой!», «О, господи!».

С помощью заповеди «не произноси имени господа, бога твоего, напрасно» духовенство стремилось обеспечить благоговейное, почтительное отношение к имени бога. Оно понимало, что слишком частое употребление того или иного слова ведет к утрате интереса к ним, к обесцениванию, «к обветшанию» этих слов. И пуще всего духовенство боялось «хулы на бога» и отрицания бога. В предотвращении этого главный смысл третьей заповеди десятисловия.

Заповеди богопочитания, порожденные межплеменной и межрелигиозной враждой в глубокой древности, утверждали дух веронетерпимости и вражды между народами на всем протяжении человеческой истории. Достаточно вспомнить положение иноверцев в царской России, еврейские погромы, армяно-татарскую резню и многие гнусности, творимые якобы во славу Божию. В 1906 г. православный священник Дмитрий Лавров выпустил в свет брошюру «Россия для русских», где в полном соответствии с библейскими заповедями открыто призывал к еврейским погромам, преследованию поляков, советовал согнуть в бараний рог всех иноверцев.

Библейские заповеди богопочитания никогда не содействовали сближению народов, они размежевывали их, возводили непреодолимые религиозные барьеры между

ними. Так было в прошлом, немало помех ставит религия на пути взаимопонимания и сближения народов в настоящее время. Но особенно роковую роль заповеди богопочитания сыграли в судьбе еврейского народа.

С самого зарождения иудейской религии возникла идея богоизбранности еврейского народа. Заключив завет с Авраамом, говорят ревнители иудаизма, Яхве тем самым избрал еврейский народ в качестве особого народа, он наделил его такими качествами и правами, которых не может иметь ни один другой народ. Идея богоизбранности еврейского народа стала отправной точкой в его отношениях с другими народами. Она вела к обособленности, замкнутости еврейских общин, отчужденности в отношениях с другими народами. В настоящее время богоизбранностью еврейского народа сторонники сионизма оправдывают агрессивные устремления Израиля. Вот что писала в 1972 г. одна из западных газет: «Бог избрал себе маленький народ, происходящий от святых и благоверных людей, и заключил с ним соглашение о взаимной любви и союзе, подобное тому, что связывает отца и сына. Любовь и помощь с одной стороны, любовь и послушание — с другой. Бог пожелал разместить этот народ в Палестине, на территории, уже занятой воинственными и алчными племенами. Война не на жизнь, а на смерть стала необходимостью, ибо дилемма была очевидной, либо мы победим и будем жить, либо будем разгромлены и погибнем... Война становится священной, победа — наиболее желанным знаменем благоволения божьего и самой драгоценной наградой. Святость оружия навязывается язычникам силой и превращается в торжество бога».

Подняв знамя богоизбранности евреев, сионизм использует его для обоснования права захвата арабских земель.

Последняя из заповедей богопочитания — четвертая:

«Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота господу, богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих» (Исход. 28: 8—10). Как говорят иудейские священнослужители, суббота как праздничный день недели была установлена в память окончания богом шестидневного творения мира, когда бог почил от всех дел своих.

О шестидневном сотворении мира богом, наверное, нет необходимости говорить. Наука настолько убедительно развенчала эту легенду, что многие священнослужители сами вынуждены оговариваться: дескать, шесть дней — это символика, образ. Каждый день следует понимать как целый период, охватывающий миллиарды лет. Хотя немало еще и таких богословов, которые библейский миф о сотворении мира понимают не иносказательно, а буквально.

В действительности же четвертая заповедь отражает обычаи народов древнего Вавилона, которые поклонялись семи богам в виде Солнца, Луны и пяти известных тогда планет. Следы этого почитания сохранились до сих пор в названиях дней недели у некоторых народов. Например, у немцев воскресенье носит название «зонтаг», т. е. день солнца; понедельник — «монтаг», т. е. день луны. Седьмой день недели в древнем Вавилоне отводился планете Сатурн. В отличие от других планет, Сатурн имеет кольцо, и древние видели в этом особую таинственность. Неведомое кольцо представлялось людям в то время каким-то особым знаком неба, которым обозначается действие неизвестных духов. Это внушало суеверный страх. В этот день стремились ничего не делать, чтобы не навлечь на себя гнев неведомых сил, скрывавшихся за кольцом Сатурна. Поэтому в Вавилоне седь-

мой день недели почитался несчастным, не сулящим никаких удач.

Древние евреи, заимствовавшие многие обычаи у соседей, седьмой день недели называли «шаббат», т. е. покой. Отсюда произошло название «суббота». У христиан днем покоя, праздником стало воскресенье, получившее название в честь мифического воскресения Иисуса Христа.

Нередко священнослужители христианской и иудейской религий пытаются заповедь «помни день субботний...» представить как самое гуманное моральное предписание, образец человеколюбия. Применяя эту заповедь к христианскому дню — воскресенью, баптистские проповедники говорят, что она дана «на благо человеку» и понимать ее следует так: «Помни день покоя... шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — день покоя — господу богу твоему».

Один из московских раввинов доказывал в своей проповеди, что эта заповедь заложила основы гуманизма в человеческом обществе. Библия впервые, утверждал он, выдвинула требование давать отдых даже рабам. Но с подобным «гуманизмом» можно познакомиться и в законодательстве ранних рабовладельческих государств. Требование давать отдых рабам иудаизм заимствовал из законов рабовладельческих государств Двуречья, в которых рекомендовалось давать отдых не только рабочему скоту, но и рабам, высказывались иные заботы о рабах. Так, из надписей Гудеа (2200 г. до н. э.) в Южном Двуречье явствует, что в дни праздников рабы пользовались некоторыми свободами и их не наказывали.

«Гуманизм» рабовладельческой морали диктовался интересами эксплуататоров. Раб нуждался в элементарном отдыхе, чтобы восстановить силы для работы на следующий день. Так что «гуманизм» библейской морали мало чем отличается от «човеколюбия» современного

капиталиста, который на первый взгляд тоже вроде заботится об улучшении условий труда. Он улучшает освещение, вентиляцию, строит душевые для рабочих и т. п. И все это во имя единственной цели — достижения более высокой производительности труда и обеспечения наивысшей прибыли. Там, где эти меры не обеспечивают более высокую прибыль, он палец о палец не ударит, даже если рабочие будут задыхаться в дыму и подвергаться опасности производственных травм. Так что гуманизм четвертой заповеди — это гуманизм рабовладельческого общества. В какой-то мере эта заповедь отражала реальную потребность людей труда в отдыхе, без чего невозможно было обеспечить необходимую производительность, нормальный ритм производства, потребности человека в праздниках, днях радости. Но эти реальные потребности отражены через призму интересов рабовладельцев и жрецов.

«Какие там выходные! — рассказывал автору Николай Михайлович Кутепов из села Большие Угоны Курской области, работавший до революции на шахтах Донбасса. — Света белого неделями не видели. Затемно — в забой, поздно вечером — обратно. Сил хватало только на то, чтобы добраться до барака и поужинать. Не умывались по несколько дней, лишнюю минуту экономили для сна. А выходной — это когда большой праздник или когда хозяину угодно. Тогда отмывались да отсыпались, в трактир ходили...» Вот тебе и день покоя!

Заповедь «помни день субботний...», как и другие заповеди десятизакония, выполняла в классовом обществе религиозные и социальные функции. Устанавливая еженедельные религиозные праздники, церковь закрепляла свою власть над человеком.

Религиозные праздники всегда были важнейшим средством отвлечения сознания угнетенных от социальных проблем. Несколько раз в году с помощью религиозных

праздников создавалась иллюзия радости и равноправия: ведь на пасху самый несчастный мужичонка мог похристосоваться, облобызаться с самым важным барином.

«Я в воскресенье светлое,— похвально помещик Оболт Оболдуев в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»,— со всей своею вотчиной христосовался сам!» Зато в будни:

Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилую,
Кого хочу — казню.

Коммунистическая мораль, утверждая труд как источник жизни, всех материальных и духовных богатств, провозглашает: все во имя человека, для блага человека. Трудящийся человек так же естественно нуждается в праздничной радости, как и в труде, доставляющем ему и наслаждение, и творческое вдохновение. И само собой понятно, что праздник должен органически вплестаться в трудовой ритм современной жизни человека.

Представим себе, что отдельные люди и группы людей захотят считаться только с собственными привычками или ритуальными предписаниями своей религии, будут требовать для себя особых привилегий. Это внесло бы такую неразбериху в организацию труда, что невозможно было бы обеспечить нормальную работу предприятий. Известно, что есть такие промышленные предприятия, технологический процесс которых требует непрерывного производственного цикла. А разве настоящий труженик села позволит себе потерять хотя бы один рабочий день в страду, когда «день год кормит»? Даже в прошлом, когда религия оказывала большое влияние на жизнь людей, они не всегда считались с церковными святыми. Тем более в настоящее время человек не может сверять трудовой ритм и отдых с заповедями тысячелетней давности.

„БОЙТЕСЬ КАЖДЫЙ МАТЕРИ СВОЕЙ”

Вряд ли кто станет возражать против нравственного требования уважать своих родителей. Это естественное требование человеческой природы, зародившееся еще в первобытном обществе. Только что родившийся ребенок — это беспомощное существо, не способное без родительской заботы прожить и несколько дней. Требуется известное время, чтобы он, живя в социальной среде, приобрел известные навыки и умение трудиться. Эти обстоятельства накладывают определенные обязательства на родителей. Нелегкие это обязанности: поднять на ноги беспомощное существо, вскормить, воспитать его, многому научить, но, наверное, и нет большей радости, чем видеть, как поднимается Человек.

Родительская забота порождает ответное чувство. Основы нравственного уважения родителей складываются еще в период матриархата. В то время особым почетом пользовались матери, вокруг которых группировалась вся жизнь первобытной

общины. Любовь и уважение к матери стали всеобщим нравственным законом.

Религия заимствовала простые человеческие нормы отношений между родителями и детьми, но придала им религиозную форму и религиозное содержание. В пятой заповеди естественное сыновнее чувство превращено в религиозное требование: родителей надо любить не потому, что они дорогие тебе люди, а потому, что так угодно богу, или во имя корыстного эгоистического расчета, «чтобы продлились дни твои на земле, которую господь, бог твой, дает тебе» (Исход. 20: 12). Новый завет еще более определенно отдает приоритет религиозным отношениям над отношениями родственными: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно господу» (Колосс. 3: 20):

Великое чувство родительской любви воспевалось в поэтических сказаниях и легендах; у многих народов этим прекрасным человеческим отношениям посвящались лучшие произведения искусства. Религия же не знает иной любви, кроме как любви к богу.

Вот одна из легенд, рассказанная Максимом Горьким. ...Много лет назад потерял единственного сына восточный властелин Тимур-ленг. Полвека ходит он по земле, «железная стопа его давила города и государства, как нога слона — муравейники: красные реки крови текли от его путей во все стороны; он строил высокие башни из костей побежденных народов; он разрушал жизнь». Он мстил за то, что смерть отняла у него сына. И не было границ его жестокости, не было силы, способной смягчить лютую ненависть к людям.

Но однажды пред ним предстала женщина. Она смотрела в лицо властелину, и не было страха в ее глазах. Одежда на ней превратилась в рубище, израненные ноги говорили о дальнем пути. Она ничего не замечала. Она прошла через горы, леса, полные диких зверей, пере-

секла моря. Ничто не могло остановить ее: она была мать, она искала своего ребенка — сына, увезенного в рабство после жестокой битвы.

Не было страха в глазах женщины. Она кричала голосом раненой орлицы. И победитель услышал этот голос и велел спросить: кто там кричит голосом без радости.

«Что бы ты ни сделал, ты — только человек, а я — Мать», — услышал он от женщины. — «Ты служишь смерти, я — жизни... Ты должен быть справедлив ко мне, потому что я — Мать!»

И не знавший сострадания не выдержал взгляда матери. Он разослал гонцов на поиски пленного сына. Материнская любовь победила смерть.

И, будто продолжая легенду далеких веков, Александр Фадеев пишет о советской Матери: «Снуют, снуют материнские руки! Снуют, как птицы, над нежнейшими из нежнейших одежек, когда еще и одевать-то некого, когда он еще только острыми, нежными до замиранья сердца толчками стучится в материнском животе. Снуют, укутывая в первую прогулку, снуют, обряжая в школу. А там и в первый отъезд, а там и в дальний поход, — вся жизнь из проводов и встреч, редких минут счастья, вечных мук сердца».

«Прославим женщину — Мать, — говорит великий пролетарский писатель М. Горький, — неиссякаемый источник все побеждающей жизни!»

Совсем иные мотивы в Библии: «Бойтесь каждый матери своей и отца своего» (Левит. 19:13). «Если кто приходит ко мне, — говорит Иисус Христос, — и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лука. 14:26).

Конечно, современные священнослужители стараются не упоминать подобные заповеди, но такие поучения, как: «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не

достоин меня» (Матфей. 10 : 37), продолжают составлять основу многих нравственных проповедей.

Религиозное содержание пятой заповеди предопределило и понимание родительского долга как воспитания детей «в страхе божьем». «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении господнем» (Ефес. 6 : 4). Отражая рабовладельческую мораль патриархата, пришедшего на смену матриархату, Библия оправдывает произвол и жестокость родителей, продажу детей, изгнание непокорных в пустыню и даже принесение детей в жертву богу. Родительский произвол, освящаемый религией, нашел наиболее яркое отражение в поучениях Иисуса, сына Сирахова, с его знаменитыми советами: «сокрушай ребра», «нагибай выю детям, пока они не в состоянии дать отпор». Православная церковь освящала наказание детей розгами.

Розгою дух всесвятый дети бити велит,
Зане розга здравия ниже мало вредит,—

говорилось в рукописи XVIII в. «Гражданство обычаев церковных».

В дальнейшем с развитием политической организации общества пятая заповедь получает большее социальное звучание. Толкование ее приобретает явную политическую направленность. Согласно православному вероучению, под родителями следует подразумевать всех, «кто заступает место родителей». А их место занимают: 1) «государь; потому что государство есть великое семейство, в котором отец есть государь. 2) Пастыри и учителя духовные; потому что они учением и таинствами рождают нас в жизнь духовную. 3) Прочие начальствующие и все отечество. 4) Воспитатели и благодетели. 5) Старшие возрастом». Главное, конечно, не в старших возрастом, а в том, что православие чтит любых представителей господствующих классов и чиновников. При этом даются ссылки на Библию, которая десятки раз

призывает быть покорными «власть предержащим», так как всякая власть от бога, чтить царя, повиноваться господам не только мягким, но и жестоким, не только из-за страха, но и по совести.

Благодарные «власть предержащие» в свою очередь призывали подданных чтить духовных пастырей. Царское самодержавие в России в обязательном порядке предписывало всем чиновникам, военным служащим, учителям посещать церковь и соблюдать ее обряды. Всякая критика религии пресекалась в судебном порядке. Сущность единения церкви и самодержавия почти двести лет назад хорошо выразил А. Н. Радищев:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую,— рекут.

Вот так! Начав за здоровье родителей, духовенство превращает пятую заповедь в здравницу в честь царя и «начальствующих» в разных отношениях.

Коммунистическая мораль освобождает отношения родителей и детей от религиозного содержания и придает им подлинно нравственный характер. Она отрицает утверждаемый религией домостроевский характер отношений между детьми и родителями, подавление ими достоинства детей.

Содержание нравственных принципов социалистического общества отражает характер реальных условий жизни людей, которые в конечном счете и определяют взаимоотношения между родителями и детьми. Коммунистическая мораль не строит иллюзий ни в отношении прошлого опыта, на который ссылаются иногда пожилые люди: «Вот в наше время почитали родителей», ни в отношении нравственного уровня современной молодежи.

Она учитывает динамичный характер современной жизни, возросшую тенденцию молодежи к самостоятельности и ее социальную неопытность. Ведь развернувшееся в последние годы наставничество как раз и отражает потребности современной жизни. Наставничество преследует не столько производственное обучение, сколько социальное воспитание. Ближайшими наставниками детей всегда были родители, их авторитетное влияние ничем не заменишь. Недаром еще в древности родителям вменялось в обязанность научить своих детей ремеслу и некоторым правилам человеческого общежития. Поэтому коммунистическая мораль видит в родителях первых наставников. Она четко определяет содержание родительского и сыновнего долга, выполнение которого и ведет к подлинно нравственным отношениям между родителями и детьми, основанным на взаимной любви и уважении.

Глубоко и проникновенно о родительском долге говорил наш современник замечательный педагог В. А. Сухомлинский: «Главный смысл и цель семейной жизни — воспитание детей... Воспитание детей — важный общественный долг. В воспитании, **в сотворении нового человека** (подчеркнуто мною.— Г. С.) каждый может достигнуть вершины совершенства — стать подлинным мастером, творцом, художником, поэтом, мудрецом — великим общественным деятелем. Любого работника — от сторожа до министра — можно заменить таким же или еще более способным работником. Хорошего же отца заменить таким же хорошим отцом — невозможно».

Столь же строго и убежденно судит он и о сыновнем долге: «Если ты в детстве не научился видеть в глазах матери ее душу, ты на всю жизнь останешься нравственным невеждой».

Сыновний долг — это естественная высшая обязанность детей перед теми, кто дал им жизнь и был первым

наставником в бурном житейском океане. Это ответ на материнскую любовь и отцовскую заботу, которых ничем нельзя измерить и в наш век точных приборов.

В условиях социализма, где социальное обеспечение людей в старости берет на себя общество, материальные связи между родителями и детьми ослабевают, и тем не менее сыновний долг включает в себя материальную поддержку родителей в старости. Не обязательно это должно выражаться какой-то суммой — родители могут не нуждаться в ней, — пусть это будет скромный подарок, знак внимания, безделушка, букет цветов. «Старость, — говорит В. А. Сухомлинский, — может быть покоем и горем. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Горем ее делают забвение и одиночество. Не превращай в горе старость дедушки и бабушки, матери и отца».

Семейных отношений в десятисловии Моисея касается не только пятая, но и седьмая заповедь: «не прелюбодействуй».

Супружеские отношения складывались и развивались в зависимости от уровня производства материальных благ. Полуинстинктивным зачаточным формам труда соответствует начальное состояние брачных отношений, характеризующееся беспорядочными половыми связями. Но уже на этой стадии, по мнению ученых, в процессе постепенного преодоления «зоологического индивидуализма» и очеловечения отношений стихийно возникают некоторые ограничения в половых отношениях, из них были исключены представители разных поколений, т. е. появился запрет на брачные связи между родителями и детьми, внуками.

Совершенствование орудий труда и охоты несколько расширило возможность человека в обеспечении себя средствами существования, он стал меньше переходить с места на место, а относительно оседлая жизнь способствовала формированию устойчивого человеческого кол-

лектива и более прочных взаимоотношений в нем. Развитие земледелия повлекло за собой приручение животных, рост домашнего хозяйства, в котором женщине принадлежала решающая роль.

В свою очередь, половозрастное разделение труда вызвало экономическую заинтересованность мужчин и женщин друг в друге. Развитие земледелия, расчистка участков для посевов, уход за посевами, уборка урожая — все это требовало совместного труда мужчин и женщин. Теперь они объединялись не только в силу полового влечения, но и во имя экономического интереса.

В раннем родовом обществе брак носил групповой характер, когда мужчины одного рода являлись общими мужьями женщин другого рода, которые в свою очередь были общими женами мужчин первого рода. Групповой брак — это первая ступень в развитии супружеских отношений; он запрещает половые отношения внутри данного рода и допускает только внешние брачные связи. Такой порядок брачных связей получил название экзогамии.

По мнению многих советских исследователей, экзогамный брак явился результатом половозрастного разделения труда. «Женщина,— пишет А. М. Золотарев в книге «Происхождение экзогамии»,— главная рабочая сила первобытного общества. Собираение корней, клубней, насекомых, плодов, овощей, ношение оружия и утвари, детей во время переходов — все это женские обязанности. Часто ей приходится кормить мужчину, отдавая ему большую часть своего запаса».

Можно предположить, что между мужчинами шла борьба и соперничество не столько из-за полового влечения, сколько за обладание жизненными благами, которые давала женщина. Ссылаясь на свидетельства многих ученых, изучавших быт австралийцев, А. М. Золотарев пишет, что мужчина на вопрос, почему он хочет жениться, отвечает: жена будет собирать пищу, дрова, приносить

воду. Австралиец, делая предложение девушке, спрашивает ее: «Хочешь ли собирать для меня пищу?» Чтобы устранить частые конфликты между мужчинами, стремившимися обеспечить свои экономические интересы женитьбой, родовая община ввела запрет на браки внутри нее, предписав искать жен в другом роде.

Были и другие причины экзогамного брака. Люди замечали, что половые связи между близкими родственниками вели в конечном счете к вырождению потомства, и в то же время убеждались, что в тех племенах, где не было брачных связей между близкими родственниками, рождались более крепкие дети. Это стихийное осознание родовой общиной биологических последствий кровосмешения также явилось одной из важных причин запрета брачных связей между близкими родственниками.

И последнее. Вполне логично предположить, что известную роль в ограничении брачных связей сыграли зачатки нравственности. Такие нравственные качества, как стыдливость, целомудрие, скромность, появились не вдруг, а развивались вместе с развитием всех человеческих отношений. Например, у австралийцев запрет браков и внебрачных половых связей внутри данной группы (фратрия и род) являлся довольно распространенным, а его нарушение рассматривалось как безнравственный поступок, как преступление, за которые виновные наказывались смертной казнью. Вполне возможно, что библейский запрет: «Если кто возьмет сестру свою, дочь отца своего или дочь матери своей, и увидит наготу ее, а она увидит наготу его: это срам; да будут они истреблены пред глазами сынов народа своего» (Левит. 20 : 17) — отражает прежде всего нравственное требование, получившее распространение у многих первобытных народов.

Несомненно, что такие нормы, как стыдливость и целомудренная скромность, формировались в дальнейшем под определяющим воздействием брачных запретов пер-

воначально между близкими, кровными родственниками, а позже — между мужчинами и женщинами одного рода.

«Чем больше с развитием экономических условий жизни, следовательно, с разложением древнего коммунизма и увеличением плотности населения унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой наивный первобытный характер, тем больше они должны были казаться женщинам унижительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 56).

Во время группового брака род группировался вокруг женщины-матери, и родство шло по женской линии. При таких брачных связях отца установить было невозможно, к тому же роль отцовства в то время часто вообще не осознавалась. У некоторых народов считалось, что, если женщина захочет родить ребенка, она это сделает и без половых сношений с мужчиной.

Но главная причина того, что родство и наследование определялись по материнской линии, заключалась в той решающей роли, которую играла женщина в первобытном хозяйстве. Женщине принадлежала ведущая роль во всех сферах жизни: ее трудом жила вся большая материнская семья, она управляла хозяйством, разрешала конфликты, наказывала, мирила, вела переговоры и т. д.

Решающая роль женщины в экономике давала ей право на всеобщее уважение. «Народы,— писал Ф. Энгельс,— у которых женщины должны работать гораздо больше, чем им полагается по нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо больше подлинного уважения, чем наши европейцы. Дама эпохи цивилизации, окруженная кажушимся почтением и чуждая всякому действительному труду, занимает бесконечно более низкое общественное положение, чем выполняющая тяжелый труд

женщина эпохи варварства, которая считалась у своего народа действительной дамой (lady, frowa, Frau = госпожа), да по характеру своего положения и была ею» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 53).

Запреты брачных связей между родственниками и внутри данного рода определяли супружеские отношения, но эти запреты еще не приобретают того содержания, которое религия вкладывает в седьмую заповедь — «не прелюбодействуй».

Коренной поворот в развитии супружеских отношений происходит вслед за дальнейшим развитием производительных сил, приведшим к изменению производственных отношений и всей общественной жизни. Переход от мотыжного к плужному земледелию и от приручения животных к скотоводству заметно увеличил производительность труда, появился прибавочный продукт. Возникает возможность присвоения прибавочного продукта отдельными людьми, образования частной собственности и классов.

В силу этих же причин происходят изменения и в семье. С развитием скотоводства женский труд утратил свое главное экономическое значение, теперь основным добытчиком пищи становится мужчина, которому принадлежит новый источник материальных благ — скот. «Стада, — пишет Ф. Энгельс, — были новыми средствами промысла; их первоначальное приручение, а позднее уход за ними были делом мужчины. Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы... «Дикий», воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, «более кроткий» пастух, кичась своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 162).

Выдвинувшись на первое место в экономике, мужчина, вместо того чтобы идти жить в семью жены, как это было

раньше, берет жену в свой дом, поручив ей охрану домашнего хозяйства, его собственности. Интересы сохранения и наследования собственности вызвали у мужа частнособственническое отношение и к жене. «Чтобы обеспечить верность жены, а следовательно, и происхождение детей от определенного отца,— пишет Ф. Энгельс,— жена отдается под безусловную власть мужа...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 61).

Так, в силу прежде всего экономических причин появилась моногамная семья.

Супружеские отношения стали подчиняться всецело имущественным отношениям. Брак превращается в экономическую сделку. Отдавая женщину в другую семью, ее семья требует выкупа (вено — у славян, калым — у восточных народов).

Определяющая роль имущественных отношений в брачных связях находит отражение и в законодательствах раннерабовладельческих государств. В законах Хаммурапи брачно-семейным отношениям посвящено 68 статей (ст. 127—195), и все они в той или иной мере выражают частнособственнический характер супружеских отношений государств Двуречья. Однако в законах Хаммурапи женщина еще не была столь бесправной, какой она станет в Библии.

Ф. Энгельс особо подчеркивал, что «ниспровержение материнского права было **всемирно-историческим поражением женского пола**. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 60).

С переходом от матриархата к патриархату происходят серьезные изменения в нравственном сознании, женщина заняла не только низшую ступеньку социальной лестницы, но и объявлялась существом, приносящим людям

зло. Патриархат, утверждая свои идеологические воззрения, соответствующие господству в семье мужчины и полурабской зависимости женщины, стремился покончить со всеми нравственными принципами, возвеличивавшими женщину-мать, закреплявшими ее былое высокое общественное положение.

Отражая право и мораль мужчины-рабовладельца, религия оформила давно сложившиеся брачные запреты в категорическое повеление собственника: «не прелюбодействуй». Само по себе требование сохранять верность и постоянство в супружеских отношениях отражало новую ступень в их нравственном прогрессе — появление индивидуального брака, что было крупнейшим историческим достижением. Заповедь была направлена против остатков группового брака. Однако в условиях частной собственности это требование отражало веление исторического прогресса в семейно-брачных отношениях через призму интересов мужчины-собственника.

Библейская заповедь «не прелюбодействуй» утверждала моногамию только для женщины, измена мужу категорически запрещалась. Муж же мог нарушать супружескую верность, иметь несколько жен. Многоженство даже восхваляется как признак мужской силы, плодовитости: «И сказал мне господь,—с гордостью заявляет пророк Осия,—иди еще, и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую... И приобрел я ее себе за 15 сребреников и за хомер (1 хомер равен 395,5 литра.—Г. С.) ячменя и полхомера ячменя» (Осия. 3 : 1—2). Авраам, согласно Библии, имел двух наложниц. У Иакова было две жены и две наложницы (Бытие. 29, 30), Моисей довольствовался двумя женами (Исход. 2 : 21; Числа. 12 : 1). У Давида было шесть жен и 10 наложниц (II кн. Царств. 3). Все рекорды побил царь Соломон, у которого было 700 жен и 300 наложниц (III кн. Царств. 11 : 3). Библия полна примеров нарушения седьмой заповеди: биб-

лейские «праведники» насилуют женщин, их жены занимаются проституцией (Бытие. 12 : 15—16; 26 : 7—8).

В то же время на женщину Библия возлагает ответственность за появление зла на земле. Библия по-своему отразила всемирно-историческое поражение женщины, приписав ей начало любого греха. За то, что якобы прародительница Ева вкусила яблоко с дерева познания и открыла для себя, что есть добро и что зло, бог безжалостно ее наказал: «умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Бытие. 3 : 16).

Женщину религия считала не только источником разврата, но и существом низшего порядка, мало чем отличающимся от животных. На Маконском соборе христианских священнослужителей в 585 г. большинством лишь в один голос было принято решение считать женщину человеком, но это нисколько не изменило презрительного отношения к женщине. «Женщина,—внушал один из отцов христианской церкви Тертуллиан,—ты должна постоянно ходить в лохмотьях, с глазами полными слез раскаяния, чтобы заставить забыть, что ты погубила человеческий род».

Христианство, колыбелью которого была Римская империя, со своей стороны восприняло не только ветхозаветные заповеди, но и использовало некоторые положения римского семейного права. Новый завет в дополнение к заповеди десятисловия Моисея «не прелюбодействуй» требовал от мужа любить жену и запрещал развод: «...что бог сочетал, того человек да не разлучает... Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее» (Марк. 10: 2—12). Однако христианство по-прежнему рассматривало женщину как низшее существо, «немогущий сосуд» (I Петра, 3: 7), который нуждается в руководстве мужчины: «Жена да

учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить же не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (I Тимоф. 2: 11—12).

Новозаветные требования в значительной мере отражали характер семейно-брачных отношений Древней Греции и Рима, где женщина была лишена всех прав. Жена, по утверждению известного афинского оратора Демосфена, нужна была только «для того, чтобы иметь полноправных детей, и как надежная хранительница дома».

В то время мужское право не знало ограничений; в распоряжении мужчин были рабыни, наложницы и гетеры. Публичные дома в Древней Греции и Риме пользовались такой же неприкосновенностью, как и храмы. Мужчины-рабовладельцы предавались необузданному разврату, которому жены, по словам Энгельса, противопоставляли прелюбодеяние,—вещи, достойные друг друга.

В последующем, при феодализме и капитализме, супружеские отношения определялись все теми же частнособственническими экономическими основами и соответствующей идеологией.

Презрительное отношение к женщине характерно не только для христианства. «Причиной бесчестия,—утверждает индусская религиозная книга Ману,—является женщина, причиной мирского существования является женщина, поэтому следует избегать женщины». Каждое утро мужчина-иудей читает специальную молитву, в которой благодарит бога за то, что он не сотворил его женщиной. Приверженцы иудаизма весьма последовательны в библейской дискриминации женщин и в настоящее время. «Еврейство,—пишет известный иудейский богослов Ф. Гетц в статье «Положение женщины в иудаизме»,—никогда... не ставило ее в полную равноправность с мужчиной... Еврейская женщина не имела другой

культурной деятельности, кроме семейной и домашней, ибо женщина-гражданка непременно будет мешать матери и жене исполнять свой долг».

Особенно нетерпимо относится к женщине ислам. Коран ставит женщину в положение настоящей рабыни, он считает ее таким ничтожным существом, что предписывает ей закрывать рот, чтобы она не оскверняла своим дыханием мужчину. Мужчина освобождался шариатом от ответственности за побои и оскорбления женщины. Для развода с женой было достаточно трижды прокричать «талак» (развод), как это предусматривается шариатом. Такое положение сохранялось на протяжении многих веков.

Социально-экономические изменения в Советском Союзе, активная борьба женщин в 20—30-х годах за свое раскрепощение заставили многих представителей мусульманского духовенства пойти на смягчение суровых законов Корана.

Развернувшееся в настоящее время национально-освободительное движение в странах Ближнего Востока непосредственно затронуло положение женщины и в мусульманских странах. Многие прогрессивные деятели понимают, что не может быть свободным народ, если женщина остается рабыней. В ряде арабских стран приняты законы, закрепляющие права женщин, женщины стали активнее участвовать в общественной жизни, ограничена деспотическая власть мужчины в семье. Часть мусульманского духовенства, признавая необходимость социальных перемен и понимая историческую направленность освободительного движения, стремится приспособиться к новым условиям. В ряде стран, где приняты законы, ограничившие многоженство, духовенство утверждает, что это соответствует Корану, который тоже ограничивает многоженство четырьмя женами (сура 4, аят. 3).

Едва ли можно сомневаться в том, что с помощью религиозных запретов и наказаний за их нарушение в настоящее время невозможно регулировать семейно-брачные отношения. И в прошлом, когда религия имела несравненно большее влияние на отношения людей, ее нравственные предписания оказывались малоэффективными и нежизненными. Например, христианство, осуждая нарушение супружеской верности, обставило заповедь «не прелюбодействуй» такими аскетическими и домо-строевскими предписаниями, которые в конечном счете вели к прямо противоположному результату — к прелюбодеянию.

В современном буржуазном обществе абстрактная, оторванная от реальной жизни религиозная заповедь «не прелюбодействуй» давно превратилась в благое пожелание, с которым мало кто считается. Какое практическое значение может иметь эта заповедь, если любовь продается и покупается по законам капиталистического мира, а характер брачных отношений определяется денежными расчетами? Буржуазия, писал Маркс, не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В ее глазах «таинство» церковного брака утрачивает свою святость и превращается в традиционную формальность. Естественно, что семейные отношения, построенные на торгашеской основе, не могут быть искренними и прочными. Супружеская измена, разврат становятся неотъемлемыми спутниками буржуазной моногамии. «...Брак по расчету,— пишет Энгельс,— в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены... И ко всем бракам по расчету относятся слова Фурье: «Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 74).

В этих условиях церковь вынуждена лицемерить: с одной стороны, она ханжески призывает к чистоте нравов, высказывает заботу об укреплении семьи, с другой — она все больше приспосабливается к моральной деградации капиталистического мира. Так, в США собрание священников епископальной церкви постановило не считать гомосексуализм грехом.

Коренные изменения в семейно-брачных отношениях стали возможными лишь благодаря революционным преобразованиям экономического строя общества, утверждению общественной собственности на средства производства и экономического равенства мужчин и женщин.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открыв новую эру человеческой истории, перевернула буквально все сферы общественной жизни. С первых дней установления Советской власти были отменены все законы и правовые основы, ставившие женщину в неравноправное положение, социалистическое законодательство гарантировало полное равенство женщины с мужчиной в семье. Церковный брак утрачивал обязательную силу и объявлялся частным делом вступающих в супружеские отношения.

В то время многие верующие думали, что отмена церковного брака и религиозных моральных заповедей приведет к разрушению семьи и к половой распущенности. Разумеется, новые супружеские отношения утверждались не сразу, они обретали силу по мере достижения фактического равенства мужчин и женщин в экономической, политической и культурной жизни.

Коренные социально-экономические преобразования в нашей стране обеспечили равноправие женщины. Она из забитой рабыни мужа превратилась в равноправного, свободного создателя новой жизни.

Достигнутое за годы социалистического строительства равенство между мужчиной и женщиной получило отра-

жение в основном законе социалистического государства: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни» (Конституция СССР, ст. 122). Нет необходимости говорить, что конституционные положения полностью воплощены в нашей жизни. По данным последней переписи населения, женщины занимают равноправное положение: 51 % рабочих и служащих СССР — женщины; среди специалистов с высшим и средним специальным образованием 59 % женщин; 31,3 % депутатов Верховного Совета СССР — женщины.

Социалистическим социально-экономическим условиям соответствуют и новые правовые основы семейно-брачных отношений. Наиболее ярким выражением изменений, происшедших в семейно-брачных отношениях за годы Советской власти, являются «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье», принятые Верховным Советом СССР в 1968 г.

Коммунистическая мораль утверждает в социалистической семье взаимное уважение супругов, взаимопомощь и поддержку, доброжелательность и принципиальность.

Ф. Энгельс писал, что если в эксплуататорском обществе моногамия скрепляется частной собственностью, то при социализме появится новая полная моногамия как для женщин, так и для мужчин. Основой социалистической моногамии станет индивидуальная половая любовь. Он верил, что в новом обществе вырастет поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие средства социальной власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви.

Люди, выросшие на коммунистических идеалах, хо-

рошо понимают жизнеутверждающую силу любви, они умеют беречь ее и управлять своими чувствами. Социалистическое общество заинтересовано, чтобы половые отношения базировались не на сиюминутном влечении, а на подлинной индивидуальной любви.

Настоящая, большая любовь помогает человеку преодолевать жизненные невзгоды, она придает ему смелость и силу в борьбе с трудностями, делает человека чище и возвышеннее, преображает его. Любовь делает людей поэтами, художниками, заботливыми мужьями и отважными воинами.

Семья в социалистическом обществе помимо любви скрепляется и такими духовными ценностями, как идейное единомыслие, общность общественных и культурных интересов, взаимное уважение и доверие, общие заботы о детях, душевная щедрость и теплота.

Новая, социалистическая семья не нуждается в ветхозаветной заповеди «не прелюбодействуй» или в апостольском поучении «жена да убоится мужа своего». Основой нравственной чистоты отношений мужчины и женщины в такой семье является не страх перед мифическим богом, а сама любовь, высокое нравственное сознание супругов, их высокая честь и достоинство, взаимно оберегаемые мужем и женой.

Нет необходимости приводить в пример семьи, приобретшие общесоюзную известность, скажем, семью Александры и Емельяна Деревских, которые воспитали, обогрели родительским теплом и дали путевку в жизнь 48 детям-сиротам. Подвиги этих семей воспеты поэтами и писателями, именем Александры Деревской названа улица г. Ромны. Важно другое: в нашем обществе на уровень высоконравственных духовных отношений выходит рядовая советская семья.

Я давно знаю семью Сошниковых. Семейная жизнь Марии Яковлевны и Александра Николаевича не отме-

цена какими-то особыми внешними свершениями. Это самая обыкновенная советская семья, но то и отрадно, что в ней, как в фокусе, отражается нравственный прогресс социалистической семьи.

Начиналась эта семья в трудное послевоенное время, когда и наряды, и свадебные торжества были скромными. Александр Николаевич, юношей хлебнувший военного лиха в партизанских лесах, решил навсегда связать свою жизнь с армией. Мария Яковлевна делила с ним все тяготы малоустроенного армейского быта, частые переезды, тревоги и заботы воинской службы.

Всего досталось на долю семьи Сошниковых вдоволь: и горя, и радости. Какой мерой можно измерить горе родителей, похоронивших сына, а Сошниковым пришлось пройти через это. И тут новая беда подкралась: тяжело заболела Мария Яковлевна. Нелегко пришлось Александру Николаевичу: на руках больная жена и дочка Наташа, на службе — ответственная работа. Как он успевал со всем справляться, товарищи только диву давались.

Недавно Александр Николаевич отмечал свой полувековой юбилей, много было сказано теплых слов в его адрес, поздравительные телеграммы пришли из многих военных гарнизонов, но самыми примечательными и самыми дорогими были слова Марии Яковлевны.

С мудростью, добытой годами жизни, с радостным восхищением и влюбленностью смотрела она на своего Сашу, словно на молодого лейтенанта, и говорила:

— Спасибо тебе, родной, что ты есть на земле.

Счастлива та семья, где супруги в пору юношеской влюбленности и на серебряной свадьбе могут так сказать друг другу.

Счастье и гордость нашего социалистического общества в том, что таких семей у нас с каждым годом становится все больше и больше.

Социалистическая семья — важная ступень на пути нравственного прогресса в семейно-брачных отношениях, но мы не считаем, что ею завершается этот процесс. Семейно-брачные отношения в условиях социализма еще не достигают необходимого нравственного совершенства. Семья в нашем обществе еще не свободна от многих пережитков прошлого. Не так просто сформировать семью, свободную от всех недостатков, когда тысячелетиями одна половина человечества угнеталась и унижалась. Приходится преодолевать традиции многих веков. В нашем обществе, к сожалению, еще встречаются и несчастливые семьи, и разводы, и нарушения супружеской верности. Мы не закрываем глаза на эти отрицательные явления и говорим: наш идеал — коммунистическая семья, полностью свободная от пороков, семья, где господствуют отношения любви и взаимоуважения, когда можно «любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 620).

Но сами собой подлинно человеческие отношения в семье не установятся. Как и для утверждения коммунистических отношений вообще, для коммунистической семьи необходимо создать экономические условия, преобразовать быт, освободить женщину от нелегкого домашнего труда и на этой основе полностью ликвидировать остатки фактического неравенства женщины. Программа Коммунистической партии, определяя конкретные пути построения коммунизма в нашей стране, считает, что неуклонный рост производительных сил и материального благосостояния трудящихся, переход к распределению по потребности приведут к такому положению, когда семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов и будут целиком строиться на чувствах взаимной любви и дружбы.

А ЕСЛИ В ДВЕРЬ ЛОМИТСЯ ВОРОГ ?

В начале 1975 г. корреспондент журнала «Наука и религия» спросил баптиста-«инициативника» Григория Минникова из г. Сумгаита:

— Вот ты служил в армии. Но ведь если следовать всем требованиям вашей веры, то ты не должен был брать в руки оружие.

— Я же стрелял по мишеням, но никогда не направил бы дуло винтовки против себе подобных.

— А если бы тебе пришлось жить в то время, в годы войны?

— Я бы молился, но не стрелял. И господь охранил бы меня.

— А если бы на твоих глазах пытали ребенка, твою сестру, мать? Если бы только вовремя посланная тобой пуля могла спасти их жизнь?

— Нет, не стрелял бы. Да и господь никогда не послал бы мне такое испытание...

С какой гордостью и как часто в нашем беспокойном мире повторяет духовенство библейскую заповедь «не убивай». Церковь всегда считала эту заповедь деся-

тисловия высшим выражением милосердия, гуманизма, любви к ближнему.

В чем же нравственная ценность библейской заповеди «не убивай»? Сыграла ли она какую-либо сдерживающую роль в кровавых раздорах людей?

Ученые давно отмечали, что животные одного и того же вида убивают и поедают друг друга чаще всего при неблагоприятных условиях, особенно когда не хватает пищи и воды. На заре человеческой истории, когда люди только что вышли из животного состояния, подобные явления встречались и в человеческом стаде. В то время даже существовал жестокий обычай убивать слабых и хилых детей, стариков и больных. Обычай этот явился следствием крайне низкого уровня развития производства: каждый производил не более, чем требовалось для поддержания его собственной жизни, и на содержание людей, не способных к труду, не оставалось почти никаких средств. Их едва-едва хватало на здоровых детей. При постоянных переходах с места на место в поисках пищи больные и старики являлись обузой, и их убивали. Чарлз Дарвин в своем «Путешествии натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»» рассказывает о том, что жители Огненной Земли во время зимней голодовки сначала поедают старух, а потом собак. На вопрос, почему они не поедают сначала собак, мальчик-огнеземелец ответил: «Собаки ловят выдр, а старухи нет».

С развитием производительных сил до такого уровня, который обеспечивал получение прибавочного продукта, появилась экономическая возможность содержать нетрудоспособных за счет других.

Возникновение морального правила «не убивай» означало новую ступень очеловечения отношений людей, развития их, осознания ценности человеческой жизни.

Первоначально это правило оформлялось в виде запрета, табу. Содержание запрета определялось прежде

всего характером совместного труда в первобытной общине и осознанием зависимости благополучия каждого от других членов своего коллектива. В столкновении с другими общинами первобытные люди проявляли завидную солидарность. А одним из устоев греческого рода была взаимная обязанность помощи и защиты.

Требования-запреты «не убивай», «не проливай кровь», доброжелательность и незлобливость были обязательной нормой поведения первобытного человека только среди своих сородичей и соплеменников. В отношении чужеродцев действовали иные правила: враждебность и подозрительность. По свидетельству английского ученого Е. Керра, изучавшего австралийцев в сравнительно первобытном состоянии, «всякий австралиец, без исключения, питает, можно сказать, с колыбели до могилы горячую ненависть ко всякому мужчине, если он чужой ему». В противовес требованию «не убивай» в отношении к сородичам в то же время широко распространен был обычай кровной мести, мщение иноплеменникам за обиды: «око за око», «зуб за зуб».

Поль Лафарг говорил, что понятие справедливости на самой ранней стадии развития человечества сводилось к закону возмездия: удар за удар, рана за рану, око за око, жизнь за жизнь. Этот закон отражал потребность самосохранения коллектива, применение начала равенства в отношении удовлетворения за причиненную обиду.

Как и многие другие нравственные нормы, этот закон находит отражение в Библии: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исход. 21 : 23—25). Или: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исход. 21 : 12).

Однако библейская заповедь «не убивай», так же как и подобные запреты первобытного или раннерабовла-

дельческого общества, означала: «не убивай ближнего», т. е. своего древнееврейского соплеменника, поклоняющегося тому же богу Яхве.

Что касается «дальних» — представителей других племен, то Библия, отражая жестокие нравы рабовладельческого строя и его постоянную потребность воевать во имя грабежа и приобретения новых рабов, рекомендует не церемониться. В ней содержатся призывы убивать без разбора всех мужчин чужих племен, «только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе... Так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из числа городов народов сих. А в городах сих народов, которых господь бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Второзаконие. 20 : 14—16).

Библейские «праведники» буквально понимали божественные предписания и на деле доказывали право последовательных исполнителей воли бога. Достаточно полистать лишь одну главу Книги Иисуса Навина, и мы много раз встретим: «...поразил их Иисус и убил их и повесил их», «и истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находилось в ней» (Иисус Навин. 10 : 26, 30). Такими словами передается рассказ о завоевании Ливны, Лахиса, Газера, Хебронга, Давира и многих других земель.

Если внимательно присмотреться к содержанию некоторых библейских предписаний, то нетрудно заметить, что жестокость Библия распространяет на отношение и к «ближним». Все «ближние», единоверцы, согласно Библии, подлежат суровым наказаниям, в том числе и смертной казни, за нарушение законов бога. «Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: «Пойдем и будем служить богам иным»... да не пощадит его глаз твой, не жалей его и не прикрывай его, но убей его» (Вто-

розаконие. 13 : 6, 8, 9). Смертная казнь предписывается за ослушание священнослужителя, за непочитание родителей, за колдовство и за многие другие прегрешения (Второзаконие. 22 : 12, 18—20, 21).

Библейские «праведники», с которых христиане должны брать нравственный пример, нарушают заповедь «не убивай» всякий раз, когда им заблагорассудится. Иногда они убивают даже тех «ближних», которые и не помышляли нарушать божьи законы.

Нередко христианские проповедники с умилением вспоминают милосердие пророка Елисея, воскресившего умершего ребенка. Милосердие к слабым, забота о детях всегда почитались людьми как высший гуманизм. Замечательный русский писатель Ф. М. Достоевский писал, что никакая высшая гармония не стоит «слезинки хотя бы одного только... замученного ребенка».

Религия ставит свои интересы превыше всего, и во имя их тот же пророк Елисей проявляет бессмысленную жестокость: «Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города и насмехались над ним и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их и проклял их именем господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка» (IV Царств. 2 : 23—24). Этой притчей Библия утверждала правило: за нарушение законов божьих, за обиды слуг господних — смерть «дальним» и «ближним».

Нелишним будет отметить, что лидеров сионизма, так часто ссылающихся на Библию, также никогда не смущала кровь, пролитая единоверцами. В годы второй мировой войны один из видных сионистов, Р. Кастнер, являясь представителем Еврейского агентства в Венгрии, тесно сотрудничал с гитлеровским ведомством Эйхмана, занимавшегося уничтожением еврейского населения в оккупированных странах. Процесс над Кастнером, проходивший в Будапеште, вскрыл много фактов сотрудниче-

ства сионистских деятелей с нацистами в уничтожении евреев в ряде стран Европы...

Христианство полностью восприняло содержание ветхозаветной заповеди «не убивай», связало ее с заповедью о любви и дополнило некоторыми комментариями, соответствующими более развитым классовым отношениям и новой ступени в нравственном прогрессе человечества. Толкование христианством шестой заповеди крайне непоследовательно и логически противоречиво. С одной стороны, Евангелие предупреждает, что «взявшие меч мечом погибнут» (Матфей. 26:52), с другой — «не мир пришел я принести, но меч» (Матфей. 10:34).

Отражая интересы господствующих классов, христианская мораль приобретает еще более ханжеский и лицемерный характер. Об этом можно судить по следующему новозаветному поучению: «Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья» (Римл. 12:20).

Существенным в христианской морали является также некоторое отмежевание от библейской жестокости и более решительное осуждение обычая кровной мести.

Почему же христианство выступило против права кровной мести? «Вы слышали,— говорится в Евангелии от Матфея,— что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матфей. 5:38—39). Это объясняется прежде всего тем, что развитые рабовладельческие отношения объективно требовали большей социальной покорности и смирения угнетенных. Рабовладелец не мог допустить, чтобы его раб руководствовался принципом равного воздаяния — «око за око» и «зуб за зуб».

Принцип кровной мести и равного воздаяния в христианстве заменяется требованием непротивленчества,

оправданием социальной покорности, пассивности и смирения. Справедливое воздаяние теперь переносится на небо, и право отмщения посредством ссылок на божий суд присваивается «власть предержащими». «Вы слышали, что сказано древним: «не убивай, кто же убьет, подлежит суду»» (Матфей. 5 : 21). Правом отмщения теперь пользуется не обиженный, а верховное судилище или бог. Прощать и подставлять под удар щеку должен, конечно, не господин, а раб, ибо господин «есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (Римл. 13 : 4).

Осуждение и запрет убийства христианской моралью остается на деле благим пожеланием, лишенным реальной силы. В эксплуататорском обществе частнособственнические отношения, культ наживы и насилия лишают шестую заповедь нравственного содержания, превращают ее в лицемерное предписание, с которым мало кто считается. Максим Горький в своих памфлетах об Америке показал, чего стоит библейское «не убивай». «...Вы строго исповедуете принцип — не убий,— говорит миллионер.— Потому что жизнь вам дорога, она приятна, полна наслаждений. Вдруг в ваших угольных копиях рабочие требуют увеличения платы. Вы невольно вызываете солдат, и — трах! — несколько десятков рабочих убито». Почему капиталиста должна мучить совесть, если сама история церкви наполнена эпизодами жестокости и бессмысленных убийств? Своих врагов христиане сжигали на кострах, бросали в кипящее масло.

Навсегда вписан в историю кровавый след святой инквизиции в средние века; ее жертвами стали выдающиеся ученые, заслуги которых перед человечеством признает ныне и Ватикан. Особенно свирепствовала инквизиция в Испании, где только за 18 лет бесчинств главного испанского инквизитора Торквемады в XV в. было сожжено

заживо более 10 тысяч человек, а всего святая инквизиция уничтожила более 10 миллионов человек.

Цинизм и ханжество христианского гуманизма в полной мере раскрываются в моральном кодексе иезуитов, который разрешает любое преступление, в том числе и убийство, если этого требуют интересы религии и ордена. «Если монах,— говорит, например, иезуит Лами,— воспользовался услугами проститутки и стал жертвой ее шантажа и она грозит рассказать всем о греховности монаха, то монах вправе убить эту женщину, ибо ее жизнь стоит дешевле, чем честь ордена».

Теперь священнослужители иногда говорят об ошибках и крайностях, допущенных в прошлом, мол, виновата не святая церковь, а люди, они творили зло. Но как церковь может оправдаться, если эти преступления творили не просто люди, а ее нравственные светильники, которых она почитает и в настоящее время?

Август Бебель говорит, что ни одна религия в мире не стоила человечеству стольких слез и крови, как христианство, испокон веков претендовавшее на высший гуманизм.

Например, только в XI—XIII в. католическая церковь организовала 8 крестовых походов якобы во имя освобождения христианских святынь из-под власти мусульман. В действительности эти походы проводились с целью разжигания религиозного фанатизма, а также в расчете на то, чтобы поправить оскудевшее экономическое положение феодальных рыцарей. Завоевательные походы «святых» крестоносцев превратились в затяжные кровопролитные войны.

Церковь всегда благословляла ведение войн, развязанных господствующими классами во имя захвата чужих земель и грабежа других народов, заранее отпуская грехи за неизбежные убийства. Православная церковь, например, заведомо разрешала нарушение шестой запо-

веди, «когда убивают неприятеля на войне за государя, отечество и веру».

Войны оставили в истории глубокий кровавый след. Швейцарский ученый Жан-Жак Бабель с помощью ЭВМ подсчитал, что за 5550 лет на земле прошло 14 513 войн, в которых погибло 3640 миллионов человек. Только последняя мировая война унесла 50 миллионов человеческих жизней. Кто они, погибшие на полях первой и второй мировых войн? «Дальние» или «ближние»? Вот как, например, немецкий католический богослов Р. Зееберг объяснял право преступить заповедь «не убивай»: «Христос сказал: любите врагов ваших. И мы, немцы, остались верны его заповеди. Мы любим наших врагов всей душой. Но наша любовь проявляется именно в том, что мы убиваем их, причиняем им боль и страдания, вторгаемся в их земли, в их дома. Германия любит другие народы и именно поэтому, ради их же собственной пользы, так больно бичует их».

Можно ли придумать более циничное оправдание войны и убийства! «Смерть на поле боя,— говорил евангелический епископ Дибелиус в 1914 г.,— блаженная смерть для христианина, и поэтому не следует печалиться об утрате жизни. Война железной метлой выметает все гнилое и испорченное». В 50-х годах, занимая пост председателя совета евангелической церкви Западной Германии, он вновь повторяет свой чудовищный тезис о блаженстве смерти на войне: «...мы все стремимся к вечной жизни. И если, например, только одна водородная бомба умертвит миллион человек, то они достигнут наиболее быстро вечной жизни».

Яркие примеры лицемерия священнослужителей, провозглашающих заповедь «не убивай», являют не столь уж давние события в нашей стране. В период гражданской войны православная церковь приняла самое деятельное участие в организации белых армий, готовила

для них военных священников, многие священнослужители сами взяли за оружие. В Сибири до сих пор помнят карательные походы полков Иисуса, Ильи Пророка, Святого духа и Богородицы, дружины Святого Креста; воинов с крестами боялись не меньше, чем колчаковцев. Особенно наводил ужас на крестьян карательный отряд, которым командовал священник Виталий Багинский.

«Почти не было белогвардейского заговора,— пишет В. Д. Бонч-Бруевич,— в котором не принимали бы, так или иначе, участие те или иные элементы православной церкви... Каждое белогвардейское восстание на всех границах и рубежах России всегда начиналось и сопровождалось благословением духовенства, которое умело перековывать кресты на мечи, перевязывать кропила на нагайки и принимало самое деятельное участие в истреблении представителей рабоче-крестьянской власти».

И вместе с тем руководители ряда сект вспомнили о шестой заповеди и решительно запретили сектантам служить в Красной Армии. Вот как обосновывал это решение адвентистский журнал «Голос истины» в статье «Христианство и военная служба»: «Прошлые войны шли по назначению и по плану неба и вели их Моисей, Иисус Навин. Библия допускает войны во имя вразумления отступников от веры, в крайнем случае допускает войны для восстановления царства, престола. Гражданские же войны божественным планом не предусмотрены, поэтому кто осмелится вступить в Красную Армию, тот сойдет в преисподнюю наравне с неверными. Нет смысла воевать за неправоное дело. Наше отечество только на небесах, и мы должны искать только горнего».

Говоря о контрреволюционной деятельности руководителей религиозных организаций, следует подчеркнуть, что симпатии и поддержка рядовых верующих были на стороне Красной Армии, они восприняли Советскую власть как подлинно народную. Этот факт сыграл решаю-

щую роль в 20-е годы, когда духовенство православной церкви, руководители большинства сектантских общин, убедившись в прочности Советской власти и активной поддержке народом всех мероприятий Коммунистической партии, вынуждены были осудить свою былую контрреволюционную деятельность и перейти на лояльные позиции. В 1926 г. съезд баптистов открыто заявил о своем лояльном отношении к Советской власти и, дав новое толкование заповеди «не убивай», разрешил своим единоверцам брать в руки оружие и служить в Красной Армии. На эти же позиции встают и адвентисты.

Окончательный переход на лояльные позиции многие церкви и секты завершили в годы Великой Отечественной войны. В то время православная церковь, как и представители других религиозных организаций, осуждали фашистских захватчиков, собирали средства для нужд фронта. Позиция православной церкви и многих сект в те годы отражала настроения абсолютного большинства верующих, которые вместе со всем советским народом поднялись на священную освободительную войну. Нельзя отказать в патриотических чувствах и многим священнослужителям, которые искренне призывали защищать родную землю. Однако патриотические настроения верующих обуславливались не религиозным вероучением.

Проповеди и призывы к всепрощению, смирению и христианской любви к врагам не содействовали подъему боевого духа. Ведь оттого, что духовенство перешло на патриотические позиции, из его учения не исчезли эти заповеди и нормы. Иногда по рукам верующих солдат ходили рукописные листовки-молитвы, призывающие не нарушать божьих заповедей, «не убивать», полагаться на милость бога. Многие баптистские проповедники внушили верующим воинам, что «все, кто находится на фронте, если они обращаются с верою к всемогущему богу и будут уповать на него, среди всех ужасов на войне оста-

нутя целыми и невредимыми, ибо бог охраняет их своим посохом и жезлом для того, чтобы не прерывать дела служения богу». Естественно, если бы верующие воины полагались на «посох и жезл» бога, а не на боевое оружие, они никогда бы не одержали победы.

В годы войны гитлеровская армия оккупировала многие страны Европы, кровью были залиты тысячи городов и сел. Эти злодеяния совершали солдаты, на пряжках ремней которых было выбито: «С нами бог».

В период после второй мировой войны империализм развязал более 30 локальных войн и международных конфликтов. Для агрессивных кругов библейская заповедь «не убивай» не более чем пустой звук.

Господствующие классы давно научились умело пользоваться двойственным характером христианского гуманизма. Когда это выгодно их интересам, они клянутся заповедью «не убивай», но, если дело касается завоевания чужих земель и народов, они забывают о ней.

Небезызвестный евангелический проповедник Билли Грэхем еще в начале войны во Вьетнаме в целях ее популяризации и оправдания устраивал массовые митинги, похожие не столько на религиозные собрания, сколько на театрализованные представления. Грэхем воздавал хвалу богу и американской агрессии во Вьетнаме. Религиозные спектакли он заканчивал словами: «Пусть падают бомбы — в сердцах у нас радость!» Справедливости ради следует отметить, что этот глашатай войны не всегда находил поддержку даже среди своих приверженцев.

Передовые мыслители прошлого давно мечтали о вечном мире и страстно призывали людей покончить с войнами. Ссылаясь на заповедь «не убивай», к миру искренне звали и многие религиозные деятели. Но все мечты людей доброй воли о вечном мире лопались как мыльные пузыри. Эти призывы были слишком далеки от суровой действительности эксплуататорского общества.

Ныне люди доброй воли связывают свои сокровенные надежды на вечный мир с социализмом. Они по праву видят в Советском Союзе знаменосца мира и надежду всего человечества. При этом многие верующие начинают осознавать, что силы войны призывами к миру и проповедями «не убивай» не остановишь, молитвами войну не предотвратишь. Борьба за мир требует реальных действий всех людей доброй воли. В этой борьбе верующие выступают единым фронтом с атеистами, рано или поздно они приходят к выводу, что коммунизм и мир неразрывны. Подлинный гуманизм на земле утверждает коммунизм.

ДЕРЖИ ВОРА!

Когда люди жили первобытной общиной и все находилось в общем владении, не было ни экономической возможности, ни необходимости воровать. В то время люди не знали и требования «не кради». Зачем красть, если все общее? Правда, в то скудное время человек мог взять минимум из общего владения, чтобы не обидеть других. В то время справедливость выражалась в равном распределении материальных благ. Раздел жизненных припасов и военной добычи, как писал Поль Лафарг, производился первобытными людьми на основе полнейшего равенства. Равенство при разделе для них — необходимое условие. Бушмен, говорит Лафарг, добыв быка, делит свою добычу поровну между всеми, оставляя себе часто меньшую долю. Во время голодовок молодые огнеземельцы, найдя на мели кита, их излюбленную пищу, не трогают его, хотя бы и умирали с голоду. Они извещали старшего, который делил тушу кита на равные части.

Понятие о воровстве возникает вместе с возникновением частной собственности. Имущественное неравенство невольно побуждает обездоленных присваивать себе собственность богатых, чтобы обеспечить свое существование. «С того момента,— пишет Ф. Энгельс,— как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральной заповедь: Не кради» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 95).

По своему содержанию восьмая заповедь десятизакония Моисея «не кради» и десятая «не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исход. 20 : 17) являются отражением норм рабовладельческого права, которое стояло на страже появившейся частной собственности. Многие исторические документы раннерабовладельческого общества свидетельствуют о том, что главное содержание законодательства того периода посвящалось утверждению и защите частной собственности. Например, больше половины статей законов Хаммурапи в той или иной мере касаются частной собственности: они определяют наказание за кражу, рекомендуют способы розыска краденного. Поскольку рабы тоже были собственностью рабовладельцев, законы Хаммурапи предусматривали строгие наказания за кражу, укрывательство чужих рабов и за нанесение им телесного повреждения.

Сопоставляя содержание законов Хаммурапи, законодательства Хеттского государства с восьмой и десятой заповедями Моисея, содержанием 22-й главы Исхода, невольно приходишь к мысли, что библейские предписания во многом повторяют законы рабовладельческих государств Двуречья. Например, Библия также предписывает, что и когда считать кражей, какими способами найти вора

и какому наказанию его подвергнуть; особо оговариваются в «священном писании» случаи возмещения ущерба (Исход. 22 : 1—15).

Поясняя восьмую и десятую заповеди, проповедники обычно подчеркивают, что никто не должен отнимать у ближнего деньги и имущество, обвешивать и обмеривать его, посягать на его благосостояние. Однако, если заглянуть в Библию, то из Второзакония (гл. 31) можно почерпнуть советы, как делить награбленное и наворованное во время войн и набегов на другие народы, а в Исходе (гл. 12, ст. 35—36) бог научил Моисея жульнической проделке: «И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу (своему) в глазах египтян: и они давали ему, и обобрал он египтян». Не считает Библия за воровство и захват чужих земель, ограбление других народов.

В Новом завете собственно десятой заповеди в ее ветхозаветной форме не встретишь. Это послужило основанием для некоторых священнослужителей утверждать, что Христос вообще не касался политики, общественного неравенства, собственности, не затрагивал распределения материальных благ, а лишь предостерегал от любостяжания и, главное, «исправил, обновил умы и сердца людей, посеял в них семена новой жизни». Но дело не в форме, а в сущности: христианство не осуждает имущественного неравенства, считая его результатом божественного установления. В этом нетрудно убедиться, познакомившись лишь с одним поучением Евангелия: «Кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Матфей. 13 : 12).

«Позвольте,—может возразить иной верующий,—ведь Иисус Христос осуждал богатство». Действительно, о том, что скорее верблюд пройдет через игольное

ушко, нежели богатый войдет в царство небесное, можно прочесть в Евангелии (Матвей. 19 : 24).

Раннее христианство, возникнув в среде угнетенных, отражало социальный протест рабов и вольноотпущенников. Естественно, этот протест включал осуждение богатства, требование равенства. Однако христианство не пошло дальше признания равенства в первородном грехе, а «богатство,— пишет советский историк А. Б. Ранович,— осуждается не столько как социальное зло, сколько как помеха для праведной жизни; обремененные житейскими делами впадают в беспечность». К тому же следует добавить, что богатые первое время не входили в христианские общины, и это нашло известное отражение в некоторых демократических поучениях евангелия.

По мере того как христианство превращалось в господствующую религию, демократические требования все дальше и дальше отступали на задний план. Эксплуататорские классы, признав христианство, стали подчинять толкование его заповедей своим интересам. Вместо осуждения богатства стали говорить о нем как о своего рода испытании для верующих, которому они подвергаются во имя царства небесного. На первый план выдвигается освящение неприкосновенности частной собственности и призывы к щедрым милостям во имя обретения небесного благополучия. Христианство освящало частную собственность не только по воле эксплуататорских классов, но и потому, что церковь сама была крупнейшим собственником. Только земельная собственность русской православной церкви составляла 2611635 десятин. Ее служители могли соперничать с самыми крупными землевладельцами.

В настоящее время церковь продолжает оставаться крупнейшим собственником в развитых капиталистических странах. По признанию американского духовенства, имущество всех религиозных организаций в США оцени-

вается в 79,5 миллиарда долларов! Многие священнослужители основное время проводят не в храмах господних, а в торговых конторах, посреднических бюро и биржах. Религиозные организации многих штатов владеют электронными заводами, текстильными фабриками, торговыми центрами, акциями нефтяных компаний. А во время войны США во Вьетнаме обнаружилось, что значительная часть церковников США наживается на военном бизнесе. В докладе, опубликованном Национальным советом христианских церквей, говорилось, что 10 крупнейших церквей Соединенных Штатов вложили более 200 миллионов долларов в акции корпораций, изготовивших в 1971 г. на 10 миллиардов долларов военной техники. В конце концов, говорил покойный президент-католик Д. Кеннеди, деньги для духовенства значат больше, чем религия.

Можно ли сомневаться, что церковники-бизнесмены, священнослужители-собственники будут с особым усердием внушать пастве: «не кради», «не пожелай...»?

Порожденные экономическими отношениями, основанными на эксплуатации человека человеком, на грабеже, заповеди «не кради» и «не пожелай...» не могли оказать какого-либо заметного положительного влияния на нравственность людей. Богатые помнили о них лишь, если это касалось их собственности. Капиталист, которого нарисовал М. Горький в «Городе Желтого Дьявола», очень хорошо выразил эту мысль: «...Вы говорите всем — не укради! Ибо вам крайне будет неприятно, если вас начнут обкрадывать,— не так ли? Но в то же время, хотя у вас и есть деньги,— вам нестерпимо хочется украсть еще немного».

Забываясь о сохранении и приумножении собственности, господствующие классы больше всего пекутся о заповеди «не кради». В этом отношении они похожи на хитрого вора из притчи, который бежал по людной улице

во главе разгневанной толпы и громче всех кричал: «Держи вора!» При этом он нахально размахивал украденной вещью.

Воровство в эксплуататорском обществе нередко является актом отчаяния человека, не имеющего никаких средств существования. Воровство порождается в равной степени и богатством, и бедностью. Поэтому, несмотря на то что заповедь «не кради» внушается людям тысячелетиями, воровство в эксплуататорском обществе не исчезает, а превращается в довольно распространенное явление.

Бессилие библейских заповедей «не кради» и «не пожелай...» подтверждается и тем, что господствующие классы никогда не полагались на них, они предпочитали опираться на реальную силу: на суд, тюрьму, жандармов. Вора́м отрубали руки, отрезали уши, приговаривали к каторжным работам, а воровство не уменьшалось; в капиталистическом мире оно принимает все более организованный характер, смыкается с насилием и разбоем.

Для того чтобы покончить с воровством, необходимо устранить причины, которые породили это явление, надо покончить с частной собственностью.

Но ведь в нашей стране, скажет верующий, покончили с частной собственностью почти 60 лет назад, а воровство еще сохранилось.

Да, в нашей стране, где в результате построения социализма были ликвидированы частная собственность и эксплуатация человека человеком, навсегда покончено с узаконенным грабежом господствующих классов, исчезла организованная преступность. Но, к сожалению, еще не перевелись расхитители общественного добра, встречается и бытовое воровство. Не так просто преодолеть то, что укоренялось веками и тысячелетиями.

Порой у некоторых людей проявляются остатки частнособственнических взглядов: то, что в моем кармане, у

меня во дворе, в квартире,— это мое, а что где-то — это не мое, это чужое. Такие люди на общественную собственность смотрят как на казенное имущество и не считают зазорным при случае воспользоваться ею, поминая поучение апостола Павла: «Кто, пася стадо, не есть молока от стада?» (I Коринф. 9: 7). «Ну что тут такого, если я взял горсть гвоздей на заводе или охапку сена в колхозе, убудет ли в общественном котле?» — говорят в таких случаях люди и не осознают, что это и есть расхищение общественного богатства, прямо и косвенно влияющее на удовлетворение личных потребностей каждого члена общества.

Вот характерный пример. На одном из сахарных заводов Курской области в бригаду ремонтных рабочих пришел Михаил Кульбаков. За несколько недель он освоился с обязанностями, наладил дружеские контакты с товарищами, и все шло хорошо, да оказался Михаил нечист на руку. Стали замечать товарищи, что он, пользуясь халатным отношением к делу вахтера, ворует сахар, причем сбывал этот сахар за самогон. Дружеские предупреждения Кульбаков оставил без внимания, и тогда бригадир вызвал его на открытый разговор.

— Слушай, Михаил, а тебе самому не муторно от этого грязного занятия? Ведь воровство...

— Да вы что! — перебил Кульбаков бригадира. — Какое воровство? Что я у Потупина уворовал или у Быкова? Это же ничье.

— Как это ничье? — поддержали бригадира другие рабочие. — Это не ничье, а наше. Запомни это. И воруюшь ты у нас.

Кульбаков не ожидал такого отпора от товарищей. Он пытался найти среди них кого-либо, кто судил бы не так строго, и поэтому все чаще посматривал на Глушкова, который за все время не проронил ни слова. Это заметил бригадир:

— Ну, а ты, Глушков, что молчишь? Ведь ваша вера тоже не жалуется воров.

Глушков никогда не отличался особой активностью, а шумных бесед вообще не любил. Товарищи знали, что он часто отлучается в соседнее село на собрания баптистов.

— Скажи, Глушков,— поднялся Потупин, иногда добродушно подтрунивавший над его религиозностью.— Тут дело серьезное.

— Ну, а если серьезное,— ровно проговорил Глушков,— то какой я судья Михаилу, у меня своих забот хватает. А за сахар не я, а он будет отвечать перед богом. У бога он ворует.

— Вот тебе номер! Бог-то тут при чем?

— Так все богу и принадлежит. Мы только временные управители на земле.

Глушков говорил, как его учили проповедники: «...говоря о том,— писал недавно «Братский вестник» о восьмой заповеди,— что истинным обладателем всего на земле является бог, мы тем самым признаем наше положение здесь на земле как временных управителей, которым может быть вверено как малое, так и большое имущество». Надо ли говорить, что «временные управители» никогда не будут настоящими хозяевами на земле? Даже осуждая воровство, некоторые верующие не чувствуют себя ответственными за общественное добро.

В противоположность христианским заповедям коммунистическая мораль исходит из первенства общественных интересов. На первый план она выдвигает не *мое*, а *наше*, т. е. ценности, принадлежащие всему обществу, созданные обществом для счастья и радости всех, каждой личности.

Коммунистическая мораль, решительно выступая против таких пережитков, как стяжательство, хищение общественного добра, воровство, требует от каждого члена

общества заботиться о сохранении и умножении общественного достояния, стоит на страже личного благосостояния советских людей. Однако социалистическое общество не ограничивается призывами и благими пожеланиями. Наша идеология исходит из того, что со всеми социальными пороками будет покончено, когда полностью будут устранены причины, их порождающие. И это время наступит, когда усилиями всех советских людей, верующих и неверующих, будет построено коммунистическое общество. При коммунизме, говорил Ф. Энгельс, «кражу будут совершать разве только душевнобольные» и осмеянию подвергнется всякий проповедник морали, который бы вздумал торжественно провозгласить заповедь «не кради».

ПРАВДА— БОГ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

В детстве я хорошо знал деда Илью из Семеновского хутора, впрочем, его знали, наверное, все мальчишки нашей деревни. Для них он плел из лозняка «кубари», или, как их еще называют, «морды», на мелкую рыбешку, мастерил игрушки, утешал, если на глазах наворачивались непрошеные слезы, иногда укрывал от разгневанных родителей. Всю потраченную любовь — у него не было своих детей — он перенес на знакомых и незнакомых мальчишек и девчонок. Мы боготворили его и всегда ждали шуток, на которые был способен только дед. Он обладал удивительной способностью хлестко высмеять неприятных ему людей. Никто не помнит, чтобы он подшутил над человеком с добрым именем, но уж лодырям и захребетникам спуску не давал. И хотя они знали об этой способности, мало кому из них удавалось избежать своеобразной критики деда Ильи.

Часто доставалось от деда Ильи Фролу Каратееву, человеку набожному, но су-

тяжному. Иногда Фрол приходил к деду Илье «с мировой», надеясь заручиться его благим расположением на будущее, но тот был непреклонен. Каратеев жаловался, что его оговорили, а сам он чист как стеклышко. Дед Илья молчал, будто это его не касалось. Фрол постепенно распалялся, а под конец, высоко подняв руку, отчаянно кричал:

— Не лжесвидетельствуй, Илья Михайлович! Помни, что в писании сказано: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего».

Нам, ребятам, почему-то запомнился грозящий палец Фрола и слова, полные для нас таинственного смысла: «Не произноси ложного свидетельства». И еще — икона. Это уже от деда Ильи, который однажды бросил вслед Каратееву:

— Я тебе покажу ближнего! Перед иконой стелится, а брата родного обобрал, детей сиротами по миру пустил... Ишь ты: не лжесвидетельствуй!

В 1942 г. дед Илья один раз сказал святую неправду — не выдал прятавшегося партизана — и был расстрелян. Его расстреляли вместе с раненым партизаном, скрывавшимся у него в клуне. А мы навсегда сохранили в памяти его удивительную доброту и страстную нетерпимость к обману, нечестности. Мы учились у него говорить всегда правду. Но нам почему-то казалось, что говорить правду и не лжесвидетельствовать — это разные понятия. То ли потому, что мы впервые услышали выражение «не лжесвидетельствуй» от нелюбимого нами Каратеева, то ли потому, что дед Илья не жаловал его, но оно казалось нам каким-то ненастоящим, неискренним.

Много позже я понял, что детское понимание было недалеко от истины.

Говорят, что познание детей в своем развитии как бы повторяет в сжатом виде долгий путь становления человеческого познания. Кто не знает, как бесхитростны дети,

их наивность сродни народам, находившимся на ранних ступенях развития.

Многие исследователи и путешественники отмечают удивительную честность этих народов, отсутствие лжи и лицемерия. Как уже отмечалось, одним из главных условий существования первобытных племен было объединение усилий всех, совместный труд. А разве можно объединить усилия, если в отношениях между людьми существуют недоверие, обман? Конечно, честность и правдивость первобытных людей распространялась не дальше той исторической необходимости, которая эти качества породила, т. е. они были приняты лишь в отношении членов своей общины. Здесь совместный труд, общие заботы, единые правила с неизбежностью предопределяли нравственное осуждение лжи, обмана и лицемерия.

Родовая община не была экономически связана с другими, чужими родами; между ними были столкновения и раздоры, и правомерными в отношении их считались хитрость, обман, лицемерие.

Широкое распространение ложь и обман получают с утверждением имущественного неравенства. Частная собственность явилась экономической основой обмана: «не обманешь — не проживешь», «либо ты обманешь, либо обманут тебя». Она породила самые низменные интересы и самые гнусные средства обогащения. В эксплуататорском обществе приобретение частной собственности, денег становится главной жизненной целью человека, ибо его общественное положение и ценность определяются не его личными качествами, а капиталом, богатством. Во имя обогащения используются все средства, среди которых ложь и обман являются наиболее ходовыми. Если ради приумножения собственности в эксплуататорском обществе не останавливаются перед физическим устранением соперника, то тем более не будут испытывать угрызений совести при обмане.

Девятая заповедь — «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» — возникла вместе с появлением лжи и обмана, рожденных частной собственностью. Богословы нередко подчеркивают, что девятая заповедь утверждает высоконравственные отношения, провозглашает святость человеческой жизни.

Однако в соответствии с религиозным толкованием девятая заповедь охватывает слишком ограниченный круг отношений. Фактически церковники сводят требование заповеди к запрещению ложной клятвы.

В буржуазном суде и по сей день свидетели дают клятву на Библии говорить только правду, но едва ли это способствует установлению истины. Именем бога клянутся довольно часто, и редко кто приходит в смущение от лжесвидетельства. Одной из причин лицемерного отношения к клятве на Библии является то, что Библия и церковь сами демонстрируют поразительные примеры клятв-вопреступлений, лжи, обмана и коварства.

Верующие не считают греховными обманные действия древних евреев при исходе из Египта, так как они обманывали врага. А кого обманывал библейский праотец Иаков?

«Исаак любил Исав, — повествует Библия, — потому что дичь его была по вкусу его, а Ревекка любила Иакова. И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть... ибо я устал... Но Иаков сказал: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве?.. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы; и он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (Бытие. 25: 28—34).

Когда Исаак состарился и решил передать наследство Исаву, Ревекка нарядила Иакова в одежды старшего сына и велела идти к отцу за благословением.

— Брат мой — человек косматый, а я — человек глад-

кий,— ответил Иаков.— Может статься, ощупает меня отец мой, и я буду в глазах его обманщиком и наведу на себя проклятие, а не благословение.

Иакова не смущал обман, его интересовало лишь благословение. Ревекка руки его и гладкую шею его обложила кожей козлят, Иаков пошел к отцу, представился Исавом, угостил кушаньем из козленка, сказав, что это дичь. Слепой отец не заметил обмана и благословил вместо Исава Иакова (Бытие. 27 : 1—29). Эта библейская притча на свой лад отразила характер складывающихся отношений господства и подчинения, насквозь пронизанных обманом, вероломством и ложью. История эксплуататорских классов полна примеров приобретения богатства обманом, вероломным путем. Во имя наследства лгали, клеветали, разоряли и пускали по миру родных братьев и сестер. Полна примеров «благочестивого обмана» и церковная история.

Осуждение религией социальных пороков — обмана, лжи, клятвопреступлений — носит призрачный характер, так как религиозная идеология уводит людей от действительных путей борьбы с ними. Например, современные баптистские проповедники для преодоления лжесвидетельства рекомендуют «бодрствовать и молиться».

Только уничтожение частнособственнических отношений ведет к искоренению таких социальных пороков, как ложь, клевета, вероломство, лицемерие.

С первых дней Советской власти незыблемым правилом в отношениях между людьми стал важнейший принцип коммунистической морали — честность и правдивость. В ходе социалистического строительства люди освободились от многих дурных привычек, укоренившихся в старом обществе, но социализм только положил начало духовному обновлению человечества. Предстоит немало сделать для преодоления всех пережитков прошлого.

Один из героев пьесы М. Горького «На дне» говорил:

«Кто слаб душой... и кто живет чужими соками,— тем ложь нужна... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!» Несомненно, Горький прежде всего говорит здесь об эксплуататорском обществе, которое нуждается в обмане, лжи. Но здесь он говорит и о «рабах лжи», которые слабы душой. Религия стремится воспитать людей, преданных богу сердцем, но слабых душой и безвольных. Безвольный же человек в трудных обстоятельствах оказывается рабом этих обстоятельств, он делает первую нравственную уступку — прибегает ко лжи во спасение, чтобы завтра сделать вторую, третью. «Ложная фраза, ложное хвастовство,— говорил В. И. Ленин,— есть гибель нравственная...» (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 330).

Вот почему партия, определяя рубежи нравственного воспитания трудящихся в качестве важнейшего условия формирования нового человека, ставит задачу утвердить в отношениях советских людей честность и правдивость. Появление этого требования подготовлено всем ходом развития нашего общества и успехами в воспитательной работе партии. За более чем полувековую историю советского общества в корне изменились нравы людей. Задача заключается в том, чтобы очистить нравы советских людей от всех «родимых» пятен, сформировать человека высокой моральной чистоты. Решается эта задача не с помощью призывов «не обманывай», «не лжесвидетельствуй» — сами по себе эти призывы нравы не изменят. Моральную чистоту человек обретает в процессе свободного труда, в ходе формирования новых общественных отношений, в процессе целенаправленного действенного коммунистического воспитания.

ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Религия всегда считала себя законодателем и хранителем нравственных установлений. Но особенно она активизировала внимание к проблемам морали в настоящее время. Многие священнослужители, претендуя на роль нравственных наставников, готовы (хотя бы на словах) признать даже принципы морального кодекса строителя коммунизма. Не так давно священник В. Вальховский из Житомирской области призывал верующих «следовать учению Христа, трудиться, жить в мире и выполнять 10 заповедей, большинство которых не идут вразрез с коммунистической моралью». Другие ссылаются на некоторое внешнее сходство между формулировкой отдельных положений коммунистической и религиозной морали. Так, в моральном кодексе строителя коммунизма записано: «Кто не работает, тот не ест». А во втором послании апостола Павла к фессалоникийцам читаем: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (II Фесс. 3: 10). Это

сходство отражает тот факт, что классовый характер морали не исключает наличия в ней элементов общечеловеческого содержания. Такие элементы (элементарные правила человеческого общежития) содержатся в религиозной морали и тем более — в коммунистической, которая впитала в себя опыт нравственного прогресса всех предшествующих поколений. Что касается логического выражения, то, по мнению ученых, сопоставление многих вариантов моральных требований разных народов приводит к выводу: все они сводятся к двум типам — требованиям-запретам («не воруй!», «не лги!») и требованиям-образцам («будь честен!», «делай добро!»). Требования-запреты «не убивай», «не кради», «не прелюбодействуй» конечно же не противоречат коммунистической морали. А разве моральный кодекс коммунизма не осуждает ту неядство, стяжательство, нарушения супружеской верности? Все это так. И тем не менее мы не только не рассчитываем на помощь религиозных организаций в нравственном воспитании трудящихся, но и открыто говорим, что именно религия является помехой в этом процессе.

Почему же мы не хотим принять в союзники религиозных проповедников? Причин тому много. И главная причина в том, что коммунистическая и религиозная идеологии диаметрально противоположно понимают цель нравственного совершенствования человека, содержание этого процесса и способы достижения моральной чистоты. Некоторое внешнее сходство отдельных требований коммунистической и религиозной морали не изменяет положения.

Не так давно на IV сессии II Ватиканского собора католической церкви викарий Болоньи заявил, что о христианстве будут судить в соответствии с тем, «предложило ли оно человеку ценности, помогающие жить».

За свою историю христианство предложило миру немало ценностей, в том числе и нравственного порядка.

Какую же роль эти ценности сыграли в жизни людей? Наверное, было бы ошибкой утверждать, что библейские моральные заповеди не играли никакой роли в жизни людей. Вызванные к жизни земными условиями, они выполняли в свое время определенные функции, регулировали нравственные отношения. Абстрактный характер религиозных повелений позволял господствующим классам приспособлять их для своих потребностей.

Христианская мораль всегда помогала эксплуататорам держать угнетенных в смирении и покорности. Естественно, нравственные принципы, которые служат утверждению зла, несправедливости, которые сковали трудящегося человека по рукам и по ногам, не могут быть непреходящими ценностями.

Более того, христианская мораль многими своими поучениями оправдывала безнравственные поступки, освобождала верующего от угрызений совести, если он получил отпущение грехов: «...на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лука. 15: 7). С точки зрения христианства нет такого греха, преступления, кроме хулы против духа святого (Матфей. 12: 31), которые нельзя не простить. Любой грех искупляется молитвой. «Разбойник на кресте был прощен»,— любят повторять иные духовные пастыри. Грешил смело, говорил глава церковной реформации XVI в. Мартин Лютер, только крепче веруй!

Богословы говорят, что покаяние есть «святое свидетельство его (бога.— Г. С.) божественной любви к людям», что своим раскаянием грешники приносят радость господу богу. В книге «Фома Гордеев» М. Горький хорошо показал этих «приносящих своим раскаянием радость господу». «Приехав на пароход во время молебна, Фома стал в сторонке и всю службу наблюдал за купцами. Они стояли в благоговейном молчании; лица их были благоче-

ство сосредоточены; молились они истово и усердно, глубоко вздыхая, низко кланяясь, умиленно возводя глаза к небу. А Фома смотрел то на того, то на другого и вспоминал то, что ему было известно о них.

Вот Луп Резников,— он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он удушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононов, лет двадцать назад, судился за поджог, а теперь тоже состоит под следствием за растление малолетней. Вместе с ним — второй уже раз, по такому же обвинению — привлечен к делу и Захар Кириллов Робустов — толстый, низенький купец с круглым лицом и веселыми голубыми глазами... Среди этих людей нет почти ни одного, о котором Фоме не было бы известно чего-нибудь преступного...

«Притворяются!» — восклицал про себя Фома. А стоявший о бок с ним горбатый и кривой Павлин Гущин, не так давно пустивший по миру детей своего полоумного брата, проникновенно шептал, глядя единственным глазом в тоскливое небо:

— «Господи! Да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене...»

И Фома чувствовал, что человек этот взывает к богу с непоколебимой, глубочайшей верой в милость его...

Все это врезалось в память Фомы, возбуждая в нем недоумение пред людьми, которые, умея твердо верить в милость бога, были так жестоки к человеку».

Оценка М. Горьким ревнителей христианской морали в полной мере относится к ней самой: она жестока к человеку и безнравственна.

Покаяние и отпущение грехов приглушает чувство ответственности у человека за свои поступки, развращает его совесть. Догмат об ответственности человека за свои поступки только перед богом в конечном счете снимает

нравственную ответственность перед людьми. Люди вольно или невольно приходили к выводу, что отвечать перед богом — значит ни перед кем не отвечать.

История христианства полна примеров, когда отпущение грехов просто покупалось или с помощью «разрешительных грамот» (индальгенций), или путем «доброхотных пожертвований» на храм божий.

Два с половиной столетия назад Поль Гольбах в своей книге «Разоблаченное христианство», подводя итоги нравственному бессилию религии, писал: «Вот уж столько веков попы то и дело произносят душеспасительные проповеди. Оказало ли их назидание действительное влияние на народные нравы?» И отвечает: нет, «религия бессильна против порчи нравов... Люди не считаются с религией, если она становится поперек дороги их желаниям... Человек, ведущий распутный образ жизни, смеется над нравоучениями религии; честолубец не считается с религией, когда она пытается сдержать его аппетиты; скупец не слушает ее, когда она велит ему творить милостыню; царедворец издевается над ее наивностью, когда она велит ему быть прямодушным и искренним. Только на смертном одре религия перерождает человека; но это уже не приносит никакой пользы обществу, и если запоздалое раскаяние умирающего приносит ему прощение грехов, то это лишь поощряет живых продолжать свои безобразия до последнего издыхания».

Минуло два с половиной века, изменила ли теперь религия верующих? «...Жизнь,— пишет А. А. Осипов,— убеждала на каждом шагу, что после часового молитвенного бормотания в храме или дома люди, выходя за порог, снова бранятся, клеветают, словно бы оставив за этим порогом всю шелуху красивых слов. И тот, кто добр сам по себе, остается добрым и без «молитвенных подвигов», а дурной остается дурным». Может быть, вера в бога удерживала от безнравственных поступков священнослу-

жителей, которые ежедневно обращаются с молитвами к всевышнему? Отнюдь. Как свидетельствует бывший католический священник И. Рагаускас, «ксендзы, прежде чем согрешить, хорошенько озираются, не смотрят ли люди, а всевидящее око бога не стесняет их...».

Основу нравственности в соответствии с религиозными представлениями составляет вера в бога во имя собственного спасения. А может ли эта узкокорыстная, эгоистическая цель объединить людей, способствовать их нравственному совершенствованию? Нет, не может. Эгоистическая цель приводит человека на позиции пассивного или агрессивного индивидуализма. Осуществляя узкокорыстные интересы, человек не замечает окружающих, его не трогают их заботы и горе, он равнодушно взирает на пороки и недостатки. «Какое мне дело до других? — говорит индивидуалист. — Моя хата с краю...» Агрессивный индивидуалист в соседях видит соперников, конкурентов, врагов; он завидует черной завистью их успехам и злорадствует над их неудачами. Религиозная мораль, вольно или невольно, сосредоточивая внимание человека только на собственном спасении, отгораживает его от других людей, от общих интересов, превращает в индивидуалистов подобного типа.

Коммунистическая мораль исходит из единства общественных и личных интересов, отдавая первенство общественным. «В основе коммунистической нравственности, — говорил В. И. Ленин, — лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313). Построение коммунизма предполагает создание подлинно человеческих условий жизни не для одного и не для избранных, а для всех людей земли. Выходит, и в этом коммунистическая и религиозная мораль стоят на принципиально иных позициях.

Коммунистическая и религиозная мораль противоположны в понимании критерия нравственности. С точки

зрения коммунистической морали реальным критерием, по которому можно судить о нравственности человека, является его труд на благо общества, действительный вклад в строительство коммунизма. При этом мы исходим из того, что труд был, есть и всегда будет «отцом богатства», главным условием существования человеческого общества.

Труд — это критерий нравственности еще и потому, что он «создал самого человека» (Энгельс) и является решающим условием его совершенствования. Вне труда человек не может сформировать, выработать у себя лучшие моральные качества.

Общественную, нравственную ценность труда в социалистическом обществе осознают и многие верующие. Так, социологические исследования в Пскове в 1970 г. показали, что значительная часть верующих связывает свой труд не с богоугодностью, а с общественным долгом и нравственным удовлетворением. «Без труда,— говорит медсестра Л. И. Г-е,— не вижу смысла жизни, приятно осознавать, что могу делать что-то нужное для других». «Испытываю чувство удовлетворения,— пишет другой верующий,— когда люди остаются довольными моей работой». Это говорит о том, что многие верующие нашей страны **руководствуются в практической жизни не библейскими предписаниями, а нормами коммунистической морали.** Сама жизнь, свободный труд постоянно убеждают их в жизненности нравственных норм коммунизма.

Говоря о том, что о моральном облике человека в нашем обществе судят прежде всего по его делам, а не по словам, следует подчеркнуть, что коммунистическая мораль безразлична к мотивам действий людей, в том числе и труда. Труд во имя чего? Общего дела, коммунизма или только личных интересов? Именно общественная значимость мотива служит критерием нравственной ценности того или иного поступка.

А что является критерием нравственности в религии? Чем чаще человек обращается к богу с благодарственной молитвой, тем выше оценивает его нравственность религия. Это вытекает из самих основ религиозной морали — богопочитания и страха перед богом. Неважно, какую пользу приносит людям человек, как он трудится, главное, что он более угоден богу. «Царство небесное,— говорит современный баптистский проповедник,— не зарабатывается, а дается даром — вот что говорит нам сегодня Христос».

В соответствии с религиозным пониманием морали церковь предлагает в качестве примера для подражания своих нравственных героев. Кто же они? Назовем лишь некоторых. Вот Симеон Столпник, 40 лет проведенный на столпе, и его православные последователи Никита Переславский и Савва Вишерский. Почитает православная церковь Иоанна Лествичника и Серафима Саровского. Жизнь Иоанна — это почти непрерывная молитва и покаяние. Как говорит его житие, «слезы, почти не переставая, лились из его очей». Серафим 55 лет провел в аскетических трудах. «Это были прежде всего безмолвие и строгий пост, искушения и противоборство им, телесный труд и напряженная молитва», — с умилением пишет «Журнал Московской патриархии».

Вот на таких нравственных образцах церковь и стремится воспитывать верующих. Правда, в социалистическом обществе священнослужители стремятся переосмыслить свои нравственные поучения, сделать их приемлемыми для советского человека. Так, они не акцентируют сейчас внимание верующих на ограничении естественных потребностей, радостей. Но при всем этом сущность религиозной морали не изменилась. Она остается порождением старого эксплуататорского общества, и мы, строя коммунизм, не можем сверять свои действия с нормами тысячелетней давности. Религиозная

мораль, активно игравшая свою роль в обществе социального гнета, не может способствовать устранению нравственных пережитков старого общества. Со всем этим в сфере нравственных отношений может справиться и успешно справляется только коммунистическая мораль.

Высшую нравственность, считает религия, можно достигнуть только в загробном мире, на небе. Тем самым отрицается возможность высшего нравственного совершенствования на земле. И это обезоруживает людей, подрывает веру в собственные силы, обрекает на пассивное отношение к добру и злу.

Религия всегда была тормозом нравственного прогресса потому, что она утверждает такие принципы, которые «объявляют все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным, либо справедливым наказанием за первородный и другие грехи, либо испытанием, которое господь в своей бесконечной мудрости ниспосылает лядям во искупление их грехов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 204). Вольно или невольно, духовные пастыри обесценивали подлинные нравственные ценности, подменяя их мнимыми добродетелями и превратными представлениями о высшей нравственности.

В противоположность религии коммунистическая мораль исходит из реальных земных условий, в ней нет ничего мистического, необъяснимого. Материальные условия жизни рабочего класса заставляли его действовать в духе коллективизма, гуманизма, солидарности и взаимопомощи, нетерпимости к социальным порокам. Условия жизни пролетариата породили революционную мораль рабочего класса. Она выражает не только интересы пролетариата, но и все общечеловеческие нравственные ценности, став тем самым провозвестницей нравственных отношений будущего общества.

Пройдя проверку в горниле революции, на полях Великой Отечественной войны, вобрав все лучшее, что ро-

дилось в нравственных отношениях за годы социалистического строительства, коммунистическая мораль наиболее концентрированное выражение получила в чеканных принципах морального кодекса строителя коммунизма. Его принципы покоятся на прочных научных основах, на марксистско-ленинской теории, сила которой в правильном отражении реальных условий жизни людей. Моральный кодекс четко определяет научно обоснованные средства достижения коммунистического идеала. Научно обоснованный характер коммунистической морали как раз делает ее эффективной и действенной.

Сила коммунистической морали в том, что она порывает со всеми иллюзорными утопиями, собиравшимися утвердить на земле новые нравственные отношения особо добродетельных людей, которых в природе не существует. Коммунистическая мораль отвергает мифическую надежду на бога и иные сверхъестественные силы, видит человека таким, каков он есть. Изменяя условия своей жизни, человек будет изменять себя. В процессе построения нового, коммунистического общества создадутся действительные условия для высшего нравственного прогресса. В труде во имя коммунизма переплавятся все социальные пороки прошлого, и люди навсегда покончат с ними.

Сила коммунистической морали в том, что она опирается не на страх перед богом, а на идейную убежденность каждого и на авторитет общественного мнения. Мораль коммунистов не зовет слепо следовать ее предписаниям, а учит познавать законы общественных отношений и на этой основе проникаться убежденностью в необходимости поступать так, а не иначе. Это обуславливает высокое чувство личной ответственности, ответственности перед коллективом, обществом. А коллектив — это действительно строгий и нелицеприятный судья, всевидящий и всемогущий.

Жизненность принципов морального кодекса строителя коммунизма базируется на том, что они провозглашают нравственное совершенствование человека не ради богочитания и «радости на небе», а во имя человека и для человека.

Коммунисты отлично сознают, что высшая нравственность не придет сама собой, и активно утверждают новое в моральных отношениях людей. Главными нравственными качествами советских людей стали высокое сознание общественного долга, коллективизм, гуманизм, интернационализм, уверенность в будущем.

Коммунистической морали, пронизанной духом оптимизма, чужды жертвенность и аскетический характер. Однако она не отрицает самопожертвования во имя великих целей, высших общественных интересов. «Мы, коммунисты,— писал национальный герой чешского народа писатель Юлиус Фучик,— любим жизнь. Поэтому мы не колеблемся, когда нужно пожертвовать собственной жизнью, для того чтобы пробить дорогу настоящей, свободной, полнокровной и радостной жизни... Именно поэтому мы не колеблемся в любой момент поступиться своими личными интересами для того, чтобы добыть место под солнцем для настоящего, свободного, здорового, радостного человека...»

Мы не обольщаем себя легкостью нравственного прогресса, как не отмахиваемся от реально существующих недостатков. Да, еще встречаются эгоизм, стяжательство, преступность, хулиганство и прочие аморальные поступки. Но мы знаем истоки этих явлений: они следствие или пережитков прошлого, или незрелости некоторых сторон новых отношений и трудностей, без которых немислимо рождение нового общества. И потому мы знаем, как преодолевать эти явления. Активное участие всех членов общества в создании коммунистических условий труда, настойчивая воспитательная работа партии с каждым го-

дом и десятилетием будут поднимать человека к высотам нравственного совершенствования. К тем высотам, о которых вдохновенно писал Максим Горький: «Я знаю — будет время, когда люди станут любоваться друг другом, когда каждый будет как звезда перед другим! Будут ходить по земле люди вольные, великие свободой своей, все пойдут с открытыми сердцами, сердце каждого чисто будет от зависти, и беззлобны будут все. Тогда не жизнь будет, а — служение человеку, образ его вознесется высоко; для свободных — все высоты достигаемы!»

Новые нравственные отношения уже зримы в наших современниках, в их мыслях и поступках. Да и о социальных пороках часто пишут не потому, что их стало больше, а потому, что, сделав шаг в нравственном развитии, мы стали нетерпимее ко всякому злу и несправедливости. Новый человек, сверяющий свои действия с принципами морального кодекса строителя коммунизма, уже шагает по планете. Многие высоконравственные отношения в нашем обществе стали настолько привычными, что воспринимаются как само собой разумеющиеся. Мы часто замечаем, как вырос нравственно наш человек лишь тогда, когда он окажется в особых условиях.

Очень часто, оказывая помощь, советские люди даже не знают фамилии попавшего в беду; у нас не делят людей на «ближних» и «дальних»; у нас свое правило: «Человек человеку — друг, товарищ и брат».

Велик советский человек в труде — труде, который объединяет людей и поднимает до гармонии высоких нравственных отношений. От усилий каждого зависит судьба всех.

Сознание этой счастливой зависимости советских людей делает их доброжелательными, уверенными, оптимистически настроенными и гордыми.

Вот и подошел к концу наш разговор о развитии нравственности людей.

Мы увидели, что моральные заповеди Моисея не являются богодухновенными установлениями. Это земные нравственные законы, облаченные в религиозные одежды.

В тех заповедях, которые касались взаимоотношений людей в обществе, отразился опыт древних народов, их земные потребности и чаяния. Однако, приспособленные к нуждам религии и эксплуататоров, они приобрели в классовом обществе классовую направленность, были поставлены на службу власти имущим. Якобы внеисторический, извечный характер позволял их толковать как угодно.

Марксизм-ленинизм, не отрицая элементов положительного общечеловеческого содержания в таких провозглашаемых религией принципах, как «не убивай», «не кради» и т. д., вместе с тем указывает на их абстрактность. Лишь в обществе равноправных людей эти нормы обретают конкретный и подлинно человеческий смысл и по-настоящему претворяются в жизнь.

Коммунистическая мораль, как и мораль любого общества, имеет земные корни, она порождена развитием материальных условий жизни людей современной эпохи. Она вобрала в себя исторический опыт и все лучшие черты нравственного развития всех предшествующих эпох. Ее требования исходят из познанных законов общественного развития, отражающих реальные потребности людей.

И последнее. Может ли человек поступать нравственно без религиозных поучений?

На этот вопрос уже давно ответила сама жизнь. Задолго до появления заповедей Моисея началось нравственное развитие человека. Этот процесс был необрати-

мым и в эксплуататорском обществе, где ему мешали и господствующие классы, и религия.

Полную силу нравственный прогресс набирает при коммунизме, который устраняет с его пути все социальные преграды. Реальным выражением высшего нравственного прогресса является коммунистическая мораль, истинно человеческая мораль, опирающаяся на солидное наследие общечеловеческих нравственных ценностей, которые складывались в труде угнетенных масс и в огне революционных сражений. Вобрав опыт формирования нового человека в ходе социалистического строительства, коммунистическая мораль готовит человека к вступлению в такое общество, где право отомрет, а отношения людей друг к другу и к обществу будут определяться нравственными принципами, превратившимися в привычку, в традицию, и где наказанием за проступок, по выражению Маркса, будет приговор, вынесенный самим виновником.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто дал людям нравственные законы?	6
«Не будет у тебя других богов»	19
«Бойтесь каждый матери своей...»	32
А если в дверь ломится враг?	54
Держи вора!	67
Правда — бог свободного человека	76
Истинно человеческая	82

Суглобов Григорий Алексеевич Заповеди господни и человеческие

Заведующий редакцией **А. В. Белов**
Редактор **С. С. Никоненко**
Младший редактор **Г. И. Жаринова**
Художник **Н. С. Филиппов**
Художественный редактор **В. А. Тогобицкий**
Технический редактор **О. М. Семенова**

Сдано в набор 5 июня 1975 г. Подписано в печать
11 августа 1975 г. Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типо-
графская № 1. Условн. печ. л. 4,20. Учетно-изд. л.
4,13. Тираж 150 тыс. экз. А 00122. Заказ № 4614.
Цена 14 коп.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

14 коп.

